

Central Committee Resolution
and
ZH DANOV'S SPEECH
THE JOURNALS ZVEZDA AND
LENINGRAD

О ЖУРНАЛАХ
«ЗВЕЗДА» и «ЛЕНИНГРАД»
ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(б)

от 14 августа 1946 г.

ДОКЛАД т. ЖДАНОВА
О ЖУРНАЛАХ
«ЗВЕЗДА» и «ЛЕНИНГРАД»

**The Central Committee Resolution
and
ZHDANOV'S SPEECH
ON THE JOURNALS *ZVEZDA* AND
*LENINGRAD***

**ДОКЛАД Т. ЖДАНОВА
О ЖУРНАЛАХ *ЗВЕЗДА* И *ЛЕНИНГРАД***

Bilingual edition

English translation by
Felicity Ashbee and Irina Tidmarsh

Strathcona Publishing Co., Royal Oak, Mich.

English translation
Copyright © 1978 by Strathcona Publishing Co.

О ЖУРНАЛАХ «ЗВЕЗДА» И «ЛЕНИНГРАД»

Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г.

ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы «Звезда» и «Ленинград» ведутся совершенно неудовлетворительно.

В журнале «Звезда» за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безидейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зошенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции «Звезды» известно, что Зошенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безидейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодёжь и отравить её сознание. Последний из опубликованных рассказов Зошенко «Приключения обезьяны» («Звезда» № 5—6 за 1946 г.) представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зошенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. Злостно хулиганское изображение Зошенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами.

Предоставление страниц «Звезды» таким пошлякам и подонкам литературы, как Зошенко, тем более недо-

пустимо, что редакции «Звезды» хорошо известна физиономия Зоценко и недостойное поведение его во время войны, когда Зоценко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как «Перед восходом солнца», оценка которой, как и оценка всего литературного «творчества» Зоценко, была дана на страницах журнала «Большевик».

Журнал «Звезда» всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безидейной поэзии. Её стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, — «искусства для искусства», не желающей итти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодёжи и не могут быть терпимы в советской литературе.

Предоставление Зоценко и Ахматовой активной роли в журнале, несомненно, внесло элементы идейного разброда и дезорганизации в среду ленинградских писателей. В журнале стали появляться произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада. Стали публиковаться произведения, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни (стихи Садофьева и Комиссаровой в № 1 за 1946 г. и т. д.). Помещая эти произведения, редакция усугубила свои ошибки и ещё более принизила идейный уровень журнала.

Допустив проникновение в журнал чуждых в идейном отношении произведений, редакция понизила также требовательность к художественным качествам печатаемого литературного материала. Журнал стал заполняться малохудожественными пьесами и рассказами («Дорога времени» Ягдфельда, «Лебединое

озеро» Штейна и т. д.). Такая неразборчивость в отборе материалов для печатания привела к снижению художественного уровня журнала.

ЦК отмечает, что особенно плохо ведётся журнал «Ленинград», который постоянно предоставлял свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений Зошенко, для пустых и аполитичных стихотворений Ахматовой. Как и редакция «Звезды», редакция журнала «Ленинград» допустила крупные ошибки, опубликовав ряд произведений, проникнутых духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному. Журнал напечатал ряд ошибочных произведений («Случай над Берлином» Варшавского и Реста, «На заставе» Слонимского). В стихах Хазина «Возвращение Онегина» под видом литературной пародии дана клевета на современный Ленинград. В журнале «Ленинград» помещаются преимущественно бессодержательные, низкопробные литературные материалы.

Как могло случиться, что журналы «Звезда» и «Ленинград», издающиеся в Ленинграде, городе-герое, известном своими передовыми революционными традициями, городе, всегда являвшемся рассадником передовых идей и передовой культуры, допустили протаскивание в журналы чуждой советской литературе безидейности и аполитичности?

В чём смысл ошибок редакций «Звезды» и «Ленинграда»?

Руководящие работники журналов, и в первую очередь их редакторы т. т. Саянов и Ли́харев, забыли то положение ленинизма, что наши журналы, являются ли они научными или художественными, не могут быть аполитичными. Они забыли, что наши журналы являются могучим средством Советского государства в деле воспитания советских людей и в особенности молодёжи и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя, — его политикой. Советский строй не может терпеть воспитания молодёжи в духе безразличия к советской политике, в духе наплеви́зма и безидейности.

Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодёжь, ответить на её запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в своё дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия.

Поэтому всякая проповедь безидейности, аполитичности, «искусства для искусства» чужда советской литературе, вредна для интересов советского народа и государства и не должна иметь места в наших журналах.

Недостаток идейности у руководящих работников «Звезды» и «Ленинграда» привёл также к тому, что эти работники поставили в основу своих отношений с литераторами не интересы правильного воспитания советских людей и политического направления деятельности литераторов, а интересы личные, приятельские. Из-за нежелания портить приятельских отношений притуплялась критика. Из-за боязни обидеть приятелей пропускались в печать явно негодные произведения. Такого рода либерализм, при котором интересы народа и государства, интересы правильного воспитания нашей молодёжи приносятся в жертву приятельским отношениям и при котором заглушается критика, приводит к тому, что писатели перестают совершенствоваться, утрачивают сознание своей ответственности перед народом, перед государством, перед партией, перестают двигаться вперёд.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что редакции журналов «Звезда» и «Ленинград» не справились с возложенным делом и допустили серьёзные политические ошибки в руководстве журналами.

ЦК устанавливает, что Правление Союза советских писателей и, в частности, его председатель т. Тихонов не приняли никаких мер к улучшению журналов

«Звезда» и «Ленинград» и не только не вели борьбы с вредными влияниями Зошенко, Ахматовой и им подобных несоветских писателей на советскую литературу, но даже попустительствовали проникновению в журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов.

Ленинградский горком ВКП(б) проглядел крупнейшие ошибки журналов, устранился от руководства журналами и предоставил возможность чуждым советской литературе людям, вроде Зошенко и Ахматовой, занять руководящее положение в журналах. Более того, зная отношение партии к Зошенко и его «творчеству», Ленинградский горком (т. т. Капустин и Широков), не имея на то права, утвердил решением горкома от 26. VI — с. г. новый состав редколлегии журнала «Звезда», в которую был введен и Зошенко. Тем самым Ленинградский горком допустил грубую политическую ошибку. «Ленинградская правда» допустила ошибку, поместив подозрительную хвалебную рецензию Юрия Германа о творчестве Зошенко в номере от 6 июля с. г.

Управление пропаганды ЦК ВКП(б) не обеспечило надлежащего контроля за работой ленинградских журналов.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Обязать редакцию журнала «Звезда», Правление Союза советских писателей и Управление пропаганды ЦК ВКП(б) принять меры к безусловному устранению указанных в настоящем постановлении ошибок и недостатков журнала, выправить линию журнала и обеспечить высокий идейный и художественный уровень журнала, прекратив доступ в журнал произведений Зошенко, Ахматовой и им подобных.

2. Ввиду того, что для издания двух литературно-художественных журналов в Ленинграде в настоящее время не имеется надлежащих условий, прекратить издание журнала «Ленинград», сосредоточив литературные силы Ленинграда вокруг журнала «Звезда».

3. В целях наведения надлежащего порядка в работе редакции журнала «Звезда» и серьезного улучшения содержания журнала, иметь в журнале главного

редактора и при нем редколлегию. Установить, что главный редактор журнала несёт полную ответственность за идейно-политическое направление журнала и качество публикуемых в нём произведений.

4. Утвердить главным редактором журнала «Звезда» т. Еголина А. М. с сохранением за ним должности заместителя начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б).

(Газета «Культура и жизнь» № 6 от 20 августа).

«Правда» № 198 (10 280) от 21 августа 1946 г.

ДОКЛАД т. ЖДАНОВА О ЖУРНАЛАХ «ЗВЕЗДА» И «ЛЕНИНГРАД»

Товарищи!

Из постановления ЦК ясно, что наиболее грубой ошибкой журнала «Звезда» является предоставление своих страниц для литературного «творчества» Зошенко и Ахматовой. Я думаю, что мне нет нужды цитировать здесь «произведение» Зошенко «Приключения обезьяны». Видимо, вы все его читали и знаете лучше, чем я. Смысл этого «произведения» Зошенко заключается в том, что он изображает советских людей бездельниками и уродами, людьми глупыми и примитивными. Зошенко совершенно не интересуется труд советских людей, их усилия и героизм, их высокие общественные и моральные качества. Эта тема всегда у него отсутствует. Зошенко, как мещанин и пошляк, избрал своей постоянной темой копание в самых низменных и мелочных сторонах быта. Это копание в мелочах быта не случайно. Оно свойственно всем пошлым мещанским писателям, к которым относится и Зошенко. Об этом много говорил в свое время Горький. Вы помните, как Горький на съезде советских писателей в 1934 году клеймил, с позволения сказать, «литераторов», которые дальше копошится на кухне и бани ничего не видят.

«Приключения обезьяны» не есть для Зошенко нечто выходящее за рамки его обычных писаний. Это «произведение» попало в поле зрения критики только лишь как наиболее яркое выражение всего того отрицательного, что есть в литературном «творчестве»

Зошенко. Известно, что со времени возвращения в Ленинград из эвакуации Зошенко написал ряд вещей, которые характерны тем, что он не способен найти в жизни советских людей ни одного положительного явления, ни одного положительного типа. Как и в «Приключениях обезьяны», Зошенко привык глумиться над советским бытом, советскими порядками, советскими людьми, прикрывая это глумление маской пустопорожней развлекательности и никчемной юмористики.

Если вы повнимательнее вчитаетесь и вдумаетесь в рассказ «Приключения обезьяны», то вы увидите, что Зошенко наделяет обезьяну ролью высшего судьи наших общественных порядков и заставляет читать нечто вроде морали советским людям. Обезьяна представлена как некое разумное начало, которой дано устанавливать оценки поведения людей. Изображение жизни советских людей, нарочито уродливое, карикатурное и пошлое, понадобилось Зошенко для того, чтобы вложить в уста обезьяне гаденькую, отравленную антисоветскую сентенцию насчет того, что в зоопарке жить лучше, чем на воле, и что в клетке легче дышится, чем среди советских людей.

Можно ли дойти до более низкой степени морального и политического падения, и как могут ленинградцы терпеть на страницах своих журналов подобное пакостничество и непотребство?

Если «произведения» такого сорта преподносятся советским читателям журналом «Звезда», то как слаба должна быть бдительность ленинградцев, руководящих журналом «Звезда», чтобы в нем можно было помещать произведения, отравленные ядом зоологической враждебности к советскому строю. Только подонки литературы могут создавать подобные «произведения», и только люди слепые и аполитичные могут давать им ход.

Говорят, что рассказ Зошенко обошел ленинградские эстрады. Насколько должно было ослабнуть руководство идеологической работой в Ленинграде, чтобы подобные факты могли иметь место!

Зошенко с его омерзительной моралью удалось

проникнуть на страницы большого ленинградского журнала и устроиться там со всеми удобствами. А ведь журнал «Звезда» — орган, который должен воспитывать нашу молодежь. Но может ли справиться с этой задачей журнал, который приютил у себя такого пошляка и несоветского писателя, как Зошенко?! Разве редакции «Звезды» неизвестна физиономия Зошенко?!

Ведь совсем еще недавно, в начале 1944 года, в журнале «Большевик» была подвергнута жестокой критике возмутительная повесть Зошенко «Перед восходом солнца», написанная в разгар освободительной войны советского народа против немецких захватчиков. В этой повести Зошенко выворачивает наизнанку свою пошлую и низкую душонку, делая это с наслаждением, со смакованием, с желанием показать всем: — смотрите, вот какой я хулиган.

Трудно подыскать в нашей литературе что-либо более отвратительное, чем та «мораль», которую проповедует Зошенко в повести «Перед восходом солнца», изображая людей и самого себя как гнусных похотливых зверей, у которых нет ни стыда, ни совести. И эту мораль он преподносил советским читателям в тот период, когда наш народ обливался кровью в неслыханно тяжелой войне, когда жизнь советского государства висела на волоске, когда советский народ нес неисчислимые жертвы во имя победы над немцами. А Зошенко, окопавшись в Алма-Ата, в глубоком тылу, ничем не помог в то время советскому народу в его борьбе с немецкими захватчиками. Совершенно справедливо Зошенко был публично высечен в «Большевике», как чуждый советской литературе пасквилянт и пошляк. Он наплевал тогда на общественное мнение. И вот, не прошло еще двух лет, не просохли еще чернила, которыми была написана рецензия в «Большевике», как тот же Зошенко триумфально въезжает в Ленинград и начинает свободно разгуливать по страницам ленинградских журналов. Его охотно печатает не только «Звезда», но и журнал «Ленинград». Ему охотно и с готовностью предоставляют театральные аудитории. Больше того, ему дают возможность

занять руководящее положение в Ленинградском отделении Союза писателей и играть активную роль в литературных делах Ленинграда. На каком основании вы даете Зоценко разгуливать по садам и паркам ленинградской литературы? Почему партийный актив Ленинграда, его писательская организация допустили эти позорные факты?!

Насквозь гнилая и растленная общественно-политическая и литературная физиономия Зоценко оформилась не в самое последнее время. Его современные «произведения» вовсе не являются случайностью. Они являются лишь продолжением всего того литературного «наследства» Зоценко, которое ведет начало с 20-х годов.

Кто такой Зоценко в прошлом? Он являлся одним из организаторов литературной группы так называемых «Серапионовых братьев». Какова была общественно-политическая физиономия Зоценко в период организации «Серапионовых братьев»? Позвольте обратиться к журналу «Литературные записки» № 3 за 1922 год, в котором учредители этой группы излагали свое кредо. В числе прочих откровений там помещен «символ веры» и Зоценко в статейке, которая называется «О себе и еще кое о чем». Зоценко, никого и ничего не стесняясь, публично обнажается и совершенно откровенно высказывает свои политические, литературные «взгляды». Послушайте, что он там говорил:

«— Вообще писателем быть очень трудновато. Скажем, та же идеология... Требуется нынче от писателя идеология... Этакая, право, мне неприятность»...

«Какая, скажите, может быть у меня «точная идеология», если ни одна партия в целом меня не привлекает?».

«С точки зрения людей партийных я беспринципный человек. Пусть. Сам же я про себя скажу: я не коммунист, не эс-эр, не монархист, а просто русский и к тому же политически безнравственный»...

«Честное слово даю — не знаю до сих пор, ну вот хоть, скажем, Гучков... В какой партии Гучков? А чорт его знает в какой он партии. Знаю: не больше-

вик, но эс-эр он или кадет — не знаю и знать не хочу» и т. д. и т. п.

Что вы скажете, товарищи, об этой «идеологии»? Прошло 25 лет с тех пор, как Зошенко поместил эту свою «исповедь». Изменился ли он с тех пор? Незаметно. За два с половиной десятка лет он не только ничему не научился и не только никак не изменился, а, наоборот, с циничной откровенностью продолжает оставаться проповедником безидейности и пошлости, беспринципным и бессовестным литературным хулиганом. Это означает, что Зошенко как тогда, так и теперь не нравятся советские порядки. Как тогда, так и теперь он чужд и враждебен советской литературе. Если при всем этом Зошенко в Ленинграде стал чуть ли не корифеем литературы, если его превозносят на ленинградском Парнасе, то остается только поражаться тому, до какой степени беспринципности, нетребовательности, невзыскательности и неразборчивости могли дойти люди, прокладывающие дорогу Зошенко и поющие ему славословия!

Позвольте привести еще одну иллюстрацию о физиономии так называемых «Серапионовых братьев». В тех же «Литературных записках» № 3 за 1922 год другой серапионовец Лев Лунц также пытается дать идейное обоснование того вредного и чуждого советской литературе направления, которое представляла группа «Серапионовых братьев». Лунц пишет:

«Мы собрались в дни революционного, в дни мощного политического напряжения. «Кто не с нами, тот против нас!» — говорили нам справа и слева, — с кем же вы, Серапионовы братья — с коммунистами или против коммунистов, за революцию или против революции?».

«С кем же мы, Серапионовы братья? Мы с пустынным Серапионом»...

«Слишком долго и мучительно правила русской литературой общественность... Мы не хотим утилитаризма. Мы пишем не для пропаганды. Искусство реально, как сама жизнь и, как сама жизнь, оно без цели и без смысла, существует потому, что не может не существовать».

Такова роль, которую «Серапионовы братья» отводят искусству, отнимая у него идейность, общественное значение, провозглашая безидейность искусства, искусство ради искусства, искусство без цели и без смысла. Это и есть проповедь гнилого аполитицизма, мешанства и пошлости.

Какой вывод следует из этого? Если Зощенко не нравятся советские порядки, что же прикажете: приспособливаться к Зощенко? Не нам же перестраиваться во вкусах. Не нам же перестраивать наш быт и наш строй под Зощенку. Пусть он перестраивается, а не хочет перестраиваться — пусть убирается из советской литературы. В советской литературе не может быть места гнилым, пустым, безидейным и пошлым произведениям. (*Бурные аплодисменты*).

Вот из чего исходил ЦК, принимая решение о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Перехожу к вопросу о литературном «творчестве» Анны Ахматовой. Ее произведения за последнее время появляются в ленинградских журналах в порядке «расширенного воспроизводства». Это так же удивительно и противоестественно, как если бы кто-либо сейчас стал переиздавать произведения Мережковского, Вячеслава Иванова, Михаила Кузьмина, Андрея Белого, Зинаиды Гиппиус, Федора Сологуба, Зиновьевой-Аннибал и т. д. и т. п., т. е. всех тех, кого наша передовая общественность и литература всегда считали представителями реакционного мракобесия и ренегатства в политике и искусстве.

Горький в свое время говорил, что десятилетие 1907—1917 годов заслуживает имени самого позорного и самого бездарного десятилетия в истории русской интеллигенции, когда после революции 1905 года значительная часть интеллигенции отвернулась от революции, скатилась в болото реакционной мистики и порнографии, провозгласила безидейность своим знаменем, прикрыв свое ренегатство «красивой» фразой: «и я сжег все, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал». Именно в это десятилетие появились такие ренегатские произведения, как «Конь бледный» Ропшина, произведения Вин-

ниченко и других дезертиров из лагеря революции в лагерь реакции, которые торопились развенчать те высокие идеалы, за которые боролась лучшая, передовая часть русского общества. На свет выплыли символисты, имажинисты, декаденты всех мастей, отрекавшиеся от народа, провозгласившие тезис «искусство ради искусства», проповедовавшие безидейность в литературе, прикрывавшие свое идейное и моральное растрепывание погоней за красивой формой без содержания. Всех их объединял звериный страх перед грядущей пролетарской революцией. Достаточно напомнить, что одним из крупнейших «идеологов» этих реакционных литературных течений был Мережковский, называвший грядущую пролетарскую революцию «грядущим Хамом» и встретивший Октябрьскую революцию зоологической злобой.

Анна Ахматова является одним из представителей этого безидейного реакционного литературного болота. Она принадлежит к так называемой литературной группе акмеистов, вышедших в свое время из рядов символистов, и является одним из знаменосцев пустой, безидейной, аристократическо-салонной поэзии, абсолютно чуждой советской литературе. Акмеисты представляли из себя крайне индивидуалистическое направление в искусстве. Они проповедовали теорию «искусства для искусства», «красоты ради самой красоты», знать ничего не хотели о народе, о его нуждах и интересах, об общественной жизни.

По социальным своим истокам это было дворянско-буржуазное течение в литературе в тот период, когда дни аристократии и буржуазии были сочтены и когда поэты и идеологи господствующих классов стремились укрыться от неприятной действительности в заоблачные высоты и туманы религиозной мистики, в мизерные личные переживания и копание в своих мелких душонках. Акмеисты, как и символисты, декаденты и прочие представители разлагающейся дворянско-буржуазной идеологии были проповедниками упадочничества, пессимизма, веры в потусторонний мир.

Тематика Ахматовой насквозь индивидуалистическая. До убожества ограничен диапазон ее поэзии, — поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной. Основное у нее — это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти, мистики, обреченности. Чувство обреченности, — чувство, понятное для общественного сознания вымирающей группы, — мрачные тона предсмертной безнадежности, мистические переживания пополам с эротикой — таков духовный мир Ахматовой, одного из осколков безвозвратно канувшего в вечность мира старой дворянской культуры, «добрых старых екатерининских времен». Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой.

«Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь

И ночей наших пламенных чадом. . .»

(Ахматова «Anno Domini»)

Такова Ахматова с ее маленькой, узкой личной жизнью, ничтожными переживаниями и религиозно-мистической эротикой.

Ахматовская поэзия совершенно далека от народа. Это — поэзия десяти тысяч верхних старой дворянской России, обреченных, которым ничего уже не оставалось, как только вздохнуть по «доброму старому времени». Помещичьи усадьбы екатерининских времен с вековыми липовыми аллеями, фонтанами, статуями и каменными арками, оранжереями, любовными беседками и обветшалыми гербами на воротах. Дворянский Петербург; Царское Село; вокзал в Павловске и прочие реликвии дворянской культуры. Все это кануло в невозвратное прошлое! Осколкам этой далекой, чуждой нарсду культуры, каким-то чудом сохранившимся до наших времен, ничего уже не остается делать, как только замкнуться в себе и жить химерами. «Все расхищено, предано, продано», — так пишет Ахматова.

Об общественно-политических и литературных идеалах акмеистов один из видных представителей

этой группки, Осип Манделъштам, незадолго до революции писал: «Любовь к организму и организации акмеисты разделяют с физиологически гениальным средневековьем». . . «Средневековье, определяя по-своему удельный вес человека, чувствовало и признавало его за каждым, совершенно независимо от его заслуг». . . «Да, Европа прошла сквозь лабиринт ажурно-тонкой культуры, когда абстрактное бытие, ничем не прикрашенное личное существование ценилось как подвиг. Отсюда аристократическая интимность, связующая всех людей, столь чуждая по духу «равенству и братству» великой революции». . . «Средневековье дорого нам потому, что обладало в высокой степени чувством грани и перегоронок». . . «Благородная смесь рассудочности и мистики и ощущение мира, как живого равновесия, роднит нас с этой эпохой и побуждает черпать силы в произведениях, возникших на романской почве около 1200 года».

В этих высказываниях Манделъштама развернуты чаяния и идеалы акмеистов. «Назад к средневековью» — таков общественный идеал этой аристократическо-салонной группы. Назад к обезьяне — перекликается с ней Зошенко. Кстати сказать, и акмеисты, и «Серапионовы братья» ведут свою родословную от общих предков. И у акмеистов, и у «Серапионовых братьев» общим родоначальником являлся Гофман, один из основоположников аристократическо-салонного декадентства и мистицизма.

Почему вдруг понадобилось популяризировать поэзию Ахматовой? Какое она имеет отношение к нам, советским людям? Почему нужно предоставлять литературную трибуну всем этим упадочным и глубоко чуждым нам литературным направлениям?

Из истории русской литературы мы знаем, что не раз и не два реакционные литературные течения, к которым относились и символисты, и акмеисты, пытались объявлять походы против великих революционно-демократических традиций русской литературы, против ее передовых представителей;

пытались лишить литературу ее высокого, идейного и общественного значения, низвести ее в болото безидейности и пошлости. Все эти «модные» течения канули в Лету и были сброшены в прошлое вместе с теми классами, идеологию которых они отражали. Все эти символисты, акмеисты, «желтые кофты», «бубновые валеты», «ничевоки», — что от них осталось в нашей родной русской, советской литературе? Ровным счетом ничего, хотя их походы против великих представителей русской революционно-демократической литературы — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Герцена, Салтыкова-Щедрина — задумывались с большим шумом и претенциозностью и с таким же эффектом проваливались.

Акмеисты провозгласили: «Не вносить никаких поправок в бытие и в критику последнего не вдаваться». Почему они были против внесения каких бы то ни было поправок в бытие? Да потому, что это старое дворянское, буржуазное бытие им нравилось, а революционный народ собирался потревожить это их бытие. В октябре 1917 года были вытряхнуты в мусорную яму истории как правящие классы, так и их идеологи и песнопевцы.

И вдруг на 29-м году социалистической революции появляются вновь на сцену некоторые музейные редкости из мира теней и начинают поучать нашу молодежь, как нужно жить. Перед Ахматовой широко раскрывают ворота ленинградского журнала и ей свободно предоставляется отравлять сознание молодежи тлетворным духом своей поэзии.

В журнале «Ленинград», в одном из номеров, опубликовано нечто вроде сводки произведений Ахматовой, написанных в период с 1909 по 1944 год. Там наряду с прочим хламом есть одно стихотворение, написанное в эвакуации во время Великой Отечественной войны. В этом стихотворении она пишет о своем одиночестве, которое она вынуждена делить с черным котом. Смотрит на нее черный кот, как глаз столетия. Тема не новая. О черном коте Ахматова писала и в 1909 году. Настроения одиночества и безысходности, чуждые советской литературе,

связывают весь исторический путь «творчества» Ахматовой.

Что общего между этой поэзией, интересами нашего народа и государства? Ровным счетом ничего. Творчество Ахматовой — дело далекого прошлого; оно чуждо современной советской действительности и не может быть терпимо на страницах наших журналов. Наша литература — не частное предприятие, рассчитанное на то, чтобы потрафлять различным вкусам литературного рынка. Мы вовсе не обязаны предоставлять в нашей литературе место для вкусов и нравов, не имеющих ничего общего с моралью и качествами советских людей. Что поучительного могут дать произведения Ахматовой нашей молодежи? Ничего, кроме вреда. Эти произведения могут только посеять уныние, упадок духа, пессимизм, стремление уйти от насущных вопросов общественной жизни, отойти от широкой дороги общественной жизни и деятельности в узенький мирок личных переживаний. Как можно отдать в ее руки воспитание нашей молодежи?! А между тем Ахматову с большой готовностью печатали то в «Звезде», то в «Ленинграде», да еще отдельными сборниками издавали. Это грубая политическая ошибка.

Не случайно ввиду всего этого, что в ленинградских журналах начали появляться произведения других писателей, которые стали сползать на позиции безидейности и упадочничества. Я имею в виду такие произведения, как произведения Садофьева и Комиссаровой. В некоторых своих стихах Садофьев и Комиссарова стали подпевать Ахматовой, стали культивировать настроения уныния, тоски и одиночества, которые так любезны душе Ахматовой.

Нечего и говорить, что подобные настроения или проповедь подобных настроений может оказывать только отрицательное влияние на нашу молодежь, может отравить ее сознание гнилым духом безидейности, аполитичности, уныния.

А что было бы, если бы мы воспитывали молодежь в духе уныния и неверия в наше дело? А было бы то, что мы не победили бы в Великой Отечественной

войне. Именно потому, что советское государство и наша партия с помощью советской литературы воспитали нашу молодежь в духе бодрости, уверенности в своих силах, именно поэтому мы преодолели величайшие трудности в строительстве социализма и добились победы над немцами и японцами.

Что из всего этого следует? Из этого следует, что журнал «Звезда», помещавший на своих страницах, наряду с произведениями хорошими, идейными, бодрыми, произведения безидейные, пошлые, реакционные, стал журналом без направления, стал журналом, помогавшим врагам разлагать нашу молодежь. А наши журналы были всегда сильны своим бодрым, революционным направлением, а не эклектикой, не безидейностью и аполитицизмом. Пропаганда безидейности получила равноправие в «Звезде». Мало того, выясняется, что Зощенко приобрел такую силу среди писательской организации Ленинграда, что даже покрикивал на несогласных, грозил критикам прописать в одном из очередных произведений. Он стал чем-то вроде литературного диктатора. Его окружала группа поклонников, создавая ему славу.

Спрашивается, на каком основании? Почему вы допустили это противоестественное и реакционное дело?

Не случайно, что в литературных журналах Ленинграда стали увлекаться современной низкопробной буржуазной литературой Запада. Некоторые наши литераторы стали рассматривать себя не как учителей, а как учеников буржуазно-мещанских литераторов, стали сбиваться на тон низкопоклонства и преклонения перед мещанской иностранной литературой. К лицу ли нам, советским патриотам, такое низкопоклонство, нам, построившим советский строй, который в сто раз выше и лучше любого буржуазного строя? К лицу ли нашей передовой советской литературе, являющейся самой революционной литературой в мире, низкопоклонство перед ограниченной мещанско-буржуазной литературой Запада?

Крупным недостатком работы наших писателей является также удаление от современной советской

тематики, одностороннее увлечение исторической тематикой, с одной стороны, а, с другой стороны, попытка заняться чисто развлекательными пустопорожними сюжетами. Некоторые писатели в оправдание своего отставания от больших современных советских тем говорят, что настала пора, когда народу надо дать пустоватую развлекательную литературу, когда с идейностью произведений можно не считаться. Это глубоко неверное представление о нашем народе, его запросах, интересах. Наш народ ждет, чтобы советские писатели осмыслили и обобщили громадный опыт, который народ приобрел в Великой Отечественной войне, чтобы они изобразили и обобщили тот героизм, с которым народ сейчас работает над восстановлением народного хозяйства страны после изгнания врагов.

Несколько слов насчет журнала «Ленинград». Тут у Зощенко позиция еще более «прочная», чем в «Звезде», так же, как и у Ахматовой. Зощенко и Ахматова стали активной литературной силой в обоих журналах. Журнал «Ленинград», таким образом, несет ответственность за то, что он предоставил свои страницы таким пошлякам, как Зощенко, и таким салонным поэтессам, как Ахматова.

Но у журнала «Ленинград» есть и другие ошибки.

Вот, например, пародия на «Евгения Онегина», написанная неким Хазиним. Называется эта вещь «Возвращение Онегина». Говорят, что она нередко исполняется на подмостках ленинградской эстрады. Непонятно, почему ленинградцы допускают, чтобы с публичной трибуны шельмовали Ленинград, как это делает Хазин? Ведь смысл всей этой так называемой литературной «пародии» заключается не в пустом зубоскальстве по поводу приключений, случившихся с Онегиным, оказавшимся в современном Ленинграде. Смысл пасквиля, сочиненного Хазиним, заключается в том, что он пытается сравнивать наш современный Ленинград с Петербургом пушкинской эпохи и доказывать, что наш век хуже века Онегина. Приглядитесь хотя бы к некоторым строчкам этой «пародии». Все в нашем современном Ленинграде автору не нравится.

Он злопыхательствует, возводит клевету на советских людей, на Ленинград. То ли дело век Онегина — золотой век, по мнению Хазина. Теперь не то, — появился жилотдел, карточки, пропуска. Девушки, те неземные эфирные создания, которыми раньше восхищался Онегин, стали теперь регулировщицами уличного движения, ремонтируют ленинградские дома и т. д. и т. п. Позвольте процитировать одно только место из этой «пародии»:

В трамвай садится наш Евгений.
О, бедный, милый человек!
Не знал таких передвижений
Его непросвещенный век.
Судьба Евгения хранила,
Ему лишь ногу отдавило,
И только раз, толкнув в живот,
Ему сказали: «Идиот!»
Он, вспомнив древние порядки,
Решил дуэлью кончить спор,
Полез в карман... Но кто-то спер
Уже давно его перчатки,
За неимением таковых
Смолчал Онегин и притих.

Вот какой был Ленинград и каким он стал теперь: плохим, некультурным, грубым и в каком неприглядном виде он предстал перед бедным, милым Онегиным. Вот каким представил Ленинград и ленинградцев пошляк Хазин.

Дурной, порочный, гнилой замысел у этой клеветнической пародии!

Как же могла редакция «Ленинграда» проглядеть эту злостную клевету на Ленинград и его прекрасных людей?! Как можно пускать хазиных на страницы ленинградских журналов?!

Возьмите другое произведение — пародию на пародию о Некрасове, составленную таким образом, что она представляет из себя прямое оскорбление памяти великого поэта и общественного деятеля, каким был Некрасов, оскорбление, против которого должен был бы возмутиться всякий просвещенный человек.

Однако редакция «Ленинграда» охотно поместила это грязное варево на своих страницах.

Что же мы еще найдем в журнале «Ленинград»? Заграничный анекдот, плоский и пошлый, взятый, видимо, из старых затасканных сборников анекдотов конца прошлого столетия. Разве журналу «Ленинград» нечем заполнить свои страницы? Разве не о чем писать в журнале «Ленинград»? Возьмите хотя бы такую тему, как восстановление Ленинграда. В городе идет великолепная работа, город залечивает раны, нанесенные блокадой, ленинградцы полны энтузиазма и пафоса послевоенного восстановления. Написано ли что-нибудь об этом в журнале «Ленинград»? Дождутся ли когда-либо ленинградцы, чтобы их трудовые подвиги нашли отражение на страницах журнала?

Возьмите далее тему о советской женщине. Разве можно культивировать среди советских читателей и читательниц присущие Ахматовой постыдные взгляды на роль и призвание женщины, не давая истинно правдивого представления о современной советской женщине вообще, о ленинградской девушке и женщине-героине, в частности, которые вынесли на своих плечах огромные трудности военных лет, самоотверженно трудятся ныне над разрешением трудных задач восстановления хозяйства?

Как видно, положение дел в ленинградском отделении Союза писателей таково, что в настоящее время хороших произведений для двух литературно-художественных журналов явно нехватает. Вот почему Центральный Комитет партии решил закрыть журнал «Ленинград» с тем, чтобы сосредоточить все лучшие литературные силы в журнале «Звезда». Это, конечно, не значит, что Ленинград при надлежащих условиях не будет иметь второго или даже третьего журнала. Вопрос решается количеством хороших, высококачественных произведений. Если их появится достаточно много и им не будет хватать места в одном журнале, можно будет создать второй и третий журнал, лишь бы наши ленинградские писатели давали хорошую в идейном и художественном отношении продукцию.

Таковы грубые ошибки и недостатки, вскрытые и отмеченные в постановлении ЦК ВКП(б) относительно работы журналов «Звезда» и «Ленинград».

В чем корень этих ошибок и недостатков?

Корень этих ошибок и недостатков заключается в том, что редакторы названных журналов, деятели нашей советской литературы, а также руководители нашего идеологического фронта в Ленинграде забыли некоторые основные положения ленинизма о литературе. Многие из писателей и из тех, которые работают в качестве ответственных редакторов или занимают важные посты в Союзе писателей, думают, что политика — это дело правительства, дело ЦК. Что касается литераторов, то не их дело заниматься политикой. Написал человек хорошо, художественно, красиво — надо пустить в ход, несмотря на то, что там имеются гнилые места, которые дезориентируют нашу молодежь, отравляют ее. Мы требуем, чтобы наши товарищи, как руководители литературы, так и пишущие руководствовались тем, без чего советский строй не может жить, т. е. политикой, чтобы нам воспитывать молодежь не в духе наплеизма и безидейности, а в духе бодрости и революционности.

Известно, что ленинизм воплотил в себе все лучшие традиции русских революционеров-демократов XIX века и что наша советская культура возникла, развивалась и достигла расцвета на базе критически переработанного культурного наследия прошлого. В области литературы наша партия устами Ленина и Сталина неоднократно признавала огромное значение великих русских революционно-демократических писателей и критиков — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Плеханова. Начиная с Белинского, все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого «чистого искусства», «искусства для искусства» и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения. Искусство не может отделить себя от судьбы народа. Вспомните знаменитое «Письмо к Гоголю» Белинского, в котором великий

критик со всей присущей ему страстностью бичевал Гоголя за его попытку изменить делу народа и перейти на сторону царя. Это письмо Ленин назвал одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранившим громадное литературное значение и по сию пору.

Вспомните литературно-публицистические статьи Добролюбова, в которых с такой силой показано общественное значение литературы. Вся наша русская революционно-демократическая публицистика насыщена смертельной ненавистью к царскому строю и проникнута благородным стремлением бороться за коренные интересы народа, за его просвещение, за его культуру, за его освобождение от пут царского режима. Боевое искусство, ведущее борьбу за лучшие идеалы народа — так представляли себе литературу и искусство великие представители русской литературы. Чернышевский, который из всех утопических социалистов ближе всех подошел к научному социализму и от сочинений которого, как указывал Ленин, «веяло духом классовой борьбы», — учил тому, что задачей искусства является, кроме познания жизни, еще и задача научить людей правильно оценивать те или иные общественные явления. Ближайший его друг и соратник Добролюбов указывал, что «не жизнь идет по литературным нормам, а литература применяется сообразно направлениям жизни», и усиленно пропагандировал принципы реализма и народности в литературе, считая, что основой искусства является действительность, что она является источником творчества и что искусство имеет активную роль в общественной жизни, формируя общественное сознание. По Добролюбову литература должна служить обществу, должна давать народу ответы на самые острые вопросы современности, должна быть на уровне идей своей эпохи.

Марксистская литературная критика, являющаяся продолжательницей великих традиций Белинского, Чернышевского, Добролюбова, всегда была поборницей реалистического, общественно направленного искусства. Плеханов много поработал для того, чтобы

разоблачить идеалистическое, антинаучное представление о литературе и искусстве и защитить основные положения наших великих русских революционеро-демократов, учивших видеть в литературе могучее средство служения народу.

В. И. Ленин первый оформил с предельной четкостью отношение передовой общественной мысли к литературе и искусству. Я напомню вам известную статью Ленина «Партийная организация и партийная литература», написанную в конце 1905 года, в которой он с присущей ему силой показал, что литература не может быть беспартийной, что она должна быть важной составной частью общего пролетарского дела. В этой статье Ленина заложены все основы, на которых базируется развитие нашей советской литературы. Ленин писал:

«Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип **партийной литературы**, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме».

«В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать **частью** общепролетарского дела. . .».

И далее, в той же статье:

«Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания».

Ленинизм исходит из того, что наша литература не

может быть аполитичной, не может представлять собой «искусство для искусства», а призвана осуществлять важную передовую роль в общественной жизни. Отсюда исходит ленинский принцип партийности литературы — важнейший вклад В. И. Ленина в науку о литературе.

Следовательно, лучшая традиция советской литературы является продолжением лучших традиций русской литературы XIX века, традиций, созданных нашими великими революционными демократами — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедриным, продолженных Плехановым и научно разработанных и обоснованных Лениным и Сталиным.

Некрасов называл свою поэзию «музой мести и печали». Чернышевский и Добролюбов рассматривали литературу как святое служение народу. Лучшие представители российской демократической интеллигенции в условиях царского строя гибли за эти благородные высокие идеи, шли на каторгу, в ссылку. Как же можно забыть эти славные традиции? Как можно пренебречь ими, как можно допустить, чтобы ахматовы и зощенки протаскивали реакционный лозунг «искусства для искусства», чтобы, прикрываясь маской безидейности, навязывали чуждые советскому народу идеи?! .

Ленинизм признает за нашей литературой огромное общественно-пресбразующее значение. Если бы наша советская литература допустила снижение этой своей огромной воспитательной роли — это означало бы развитие вспять, возврат «к каменному веку».

Товарищ Сталин назвал наших писателей инженерами человеческих душ. Это определение имеет глубокий смысл. Оно говорит об огромной ответственности советских писателей за воспитание людей, за воспитание советской молодежи, за недопущение брака в литературной работе.

Некоторым кажется странным, почему ЦК принял такие крутые меры по литературному вопросу? У нас не привыкли к этому. Считают, что если допущен брак в производстве или не выполнена производствен-

ная программа по ширпотребу или не выполнен план заготовок леса, — то объявить за это выговор естественное дело (*одобрительный смех в зале*), а вот если допущен брак в отношении воспитания человеческих душ, если допущен брак в деле воспитания молодежи, то здесь можно и потерпеть. Между тем, разве это не более горшая вина, чем невыполнение производственной программы или срыв производственного задания? Своим решением ЦК имеет в виду подтянуть идеологический фронт ко всем другим участкам нашей работы.

За последнее время на идеологическом фронте обнаружили большие прорывы и недостатки. Достаточно напомнить вам об отставании нашего киноискусства, о засорении недоброкачественными произведениями нашего театрально-драматического репертуара, не говоря о том, что произошло в журналах «Звезда» и «Ленинград». ЦК вынужден был вмешаться и решительно поправить дело. Он не имел права смягчать своего удара против тех, кто забывает свои обязанности по отношению к народу, по отношению к воспитанию молодежи. Если мы хотим повернуть внимание нашего актива к вопросам идеологической работы и навести здесь порядок, дать ясное направление в работе, мы должны остро, как подобает советским людям, как подобает большевикам, раскритиковать ошибки и недостатки идеологической работы. Только тогда мы сумеем поправить дело.

Иные литераторы рассуждают так: поскольку за время войны народ изголодался по литературе, книг выпускали мало, постольку читатель проглотит любой товар, хотя бы и с гнильцой. А между тем это совсем не так, и мы не можем терпеть всякую литературу, какая будет подсовываться нам неразборчивыми литераторами, редакторами, издателями. Советский народ ждет от советских писателей настоящего идейного вооружения, духовной пищи, которая помогла бы выполнению планов великого строительства, выполнению планов восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства нашей

страны. Советский народ предъявляет высокие требования к литераторам, хочет удовлетворения своих идейных и культурных запросов. Во время войны в силу обстановки мы не могли обеспечить этих насущных потребностей. Народ хочет осмыслить происходящие события. Его идейный и культурный уровень вырос. Он зачастую не удовлетворяется качеством тех произведений литературы и искусства, которые у нас появляются. Этому не поняли и не хотят понимать некоторые работники литературы, работники идеологического фронта.

Уровень требований и вкусов нашего народа поднялся очень высоко, и тот, кто не хочет или неспособен подняться до этого уровня, будет оставлен позади. Литература призвана не только к тому, чтобы идти на уровне требований народа, но более того, — она обязана развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперед. Тот, кто неспособен идти в ногу с народом, удовлетворить его возросшие требования, быть на уровне задач развития советской культуры, неизбежно выйдет в тираж.

Из недостатка идейности у руководящих работников «Звезды» и «Ленинграда» вытекает и вторая крупная ошибка. Она заключается в том, что некоторые наши руководящие работники поставили во главу угла своих отношений с литераторами не интересы политического воспитания советских людей и политического направления литераторов, а интересы личные, приятельские. Говорят, что многие вредные в идейном и слабые в художественном отношении произведения допускаются в печать в силу нежелания обидеть того или иного писателя. С точки зрения подобных работников лучше поступиться интересами народа, интересами государства ради того, чтобы кого-либо не обидеть. Это совершенно неправильная и политически ошибочная установка. Это — все равно, что променять миллион на грош.

Центральный Комитет партии в своем решении указывает на величайший вред подмены принципиальных отношений в литературе отношениями

приятельскими. Беспринципные приятельские отношения в среде некоторых наших литераторов сыграли глубоко отрицательную роль, повели к снижению идейного уровня многих литературных произведений, облегчили доступ в литературу чуждым советской литературе людям. Отсутствие критики со стороны руководителей идеологического фронта в Ленинграде, со стороны руководителей ленинградских журналов, подмена принципиальных отношений приятельскими отношениями за счет интересов народа принесли величайший вред.

Товарищ Сталин учит нас, что, если мы хотим сохранить кадры, учить и воспитывать их, мы не должны бояться обидеть кого-либо, не должны бояться принципиальной, смелой, откровенной и объективной критики. Без критики любая организация, в том числе и литературная, может загнить. Без критики любую болезнь можно загнать вглубь и с ней труднее будет справиться. Только смелая и открытая критика помогает совершенствоваться нашим людям, побуждает их идти вперед, преодолевать недостатки своей работы. Там, где нет критики, там укореняется затхлость и застой, там нет места движению вперед.

Товарищ Сталин неоднократно указывает на то, что важнейшим условием нашего развития является необходимость того, чтобы каждый советский человек подводил итог своей работы за каждый день, безбоязненно проверял бы себя, анализировал свою работу, мужественно критиковал свои недостатки и ошибки, обдумывал бы как добиться лучших результатов своей работы и непрерывно работал бы над своим совершенствованием. К литераторам это относится в такой же мере, как и к любым другим работникам. Тот, кто боится критики своей работы, тот презренный трус, не достойный уважения со стороны народа. (*Бурные аплодисменты*).

Некритическое отношение к своей работе, подмена принципиальных отношений к литераторам приятельскими широко распространены и в Правлении Союза советских писателей. Правление Союза и

в частности его председатель т. Тихонов повинны в том неблагополучии, которое вскрыто в журналах «Звезда» и «Ленинград», повинны в том, что они не только не поставили преграды проникновению в советскую литературу вредных влияний Зощенко, Ахматовой и других несоветских писателей, но и попустительствовали проникновению в наши журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов.

В недостатках ленинградских журналов сыграла свою роль и та система безответственности, которая сложилась в руководстве журналами при том положении в редакциях ленинградских журналов, когда неизвестно кто отвечал за журнал в целом и за его отделы, когда не могло быть элементарного порядка. Этот недостаток необходимо исправить. Вот почему Центральный Комитет своим постановлением назначил главного редактора журнала «Звезда», который должен отвечать за направление журнала, за высокие идейные и художественные качества произведений, помещаемых в журнале.

В журналах, как и в любом деле, нетерпимы беспорядок и анархия. Нужна четкая ответственность за направление журнала и содержание публикуемых материалов.

Вы должны восстановить славные традиции ленинградской литературы и ленинградского идеологического фронта. Горько и обидно, что журналы Ленинграда, которые всегда были рассадниками передовых идей, передовой культуры, стали прибежищем безидейности и пошлости. Надо восстановить честь Ленинграда, как передового идеологического и культурного центра. Надо помнить, что Ленинград был колыбелью большевистских ленинских организаций. Здесь Ленин и Сталин заложили основы большевистской партии, основы большевистского мировоззрения, большевистской культуры.

Дело чести ленинградских писателей, ленинградского партийного актива состоит в том, чтобы восстановить и развить далее эти славные традиции Ленинграда. Задача работников идеологического фронта

в Ленинграде и в первую голову писателей заключается в том, чтобы изгнать из ленинградской литературы безидейность и пошлятину, чтобы высоко поднять знамя передовой советской литературы, чтобы не упустить ни одной возможности для своего идейного и художественного роста, не отстать от современной тематики, не отстать от требований народа, всячески развивать смелую критику своих недостатков, критику не подхалимскую, не групповую и приятельскую, а настоящую, смелую и независимую, идейную большевистскую критику.

Товарищи, теперь для вас должно быть ясно, какой грубый промах был допущен Ленинградским городским комитетом партии, в особенности его отделом пропаганды и агитации и секретарем по пропаганде тов. Широковым, который был поставлен во главе идеологической работы и на которого в первую очередь ложится ответственность за провал журналов. Ленинградский комитет партии допустил грубую политическую ошибку, приняв в конце июня месяца решение о новом составе редакции журнала «Звезда», в который был введен и Зошенко. Только политической слепотой можно объяснить, что секретарь горкома партии т. Капустин и секретарь горкома по пропаганде т. Широков провели такое ошибочное решение. Повторяю, что все эти ошибки нужно как можно скорее и решительнее исправить с тем, чтобы восстановить роль Ленинграда в идейной жизни нашей партии.

Все мы любим Ленинград, все мы любим нашу ленинградскую партийную организацию как один из передовых отрядов нашей партии. В Ленинграде не должно быть прибежища для разных примазавшихся литературных проходимцев, которые хотят использовать Ленинград в своих целях. Для Зошенко, Ахматовой и им подобных Ленинград советский не дорог. Они хотят видеть в нем олицетворение иных общественно-политических порядков и иной идеологии. Старый Петербург, Медный всадник, как образ этого старого Петербурга, — вот что маячит перед их глазами. А мы любим Ленинград советский, Ленинград,

как передовой центр советской культуры. Славная когорта великих революционных и демократических деятелей, вышедших из Ленинграда, — это наши прямые предки, от которых мы ведем свою родословную. Славные традиции современного Ленинграда есть продолжение развития этих великих революционных демократических традиций, которые мы ни на что другое не сменяем. Пусть ленинградский актив смело, без оглядки назад, без «подрессоривания» проанализирует свои ошибки, чтобы как можно лучше и быстрее выправить дело и двинуть нашу идейную работу вперед. Ленинградские большевики должны вновь занять свое место в рядах застрельщиков и передовиков в деле формирования советской идеологии, советского общественного сознания. (*Бурные аплодисменты*).

Как могло случиться, что Ленинградский горком партии допустил такое положение на идеологическом фронте? Очевидно, он увлекся текущей практической работой по восстановлению города, по подъему его промышленности и забыл о значении идейно-воспитательной работы, и это забвение дорого обошлось ленинградской организации. Нельзя забывать идейную работу! Духовные богатства наших людей не менее важны, чем материальные. Нельзя жить вслепую, не заботясь о завтрашнем дне не только в области материального производства, но и в области идеологической. Наши советские люди выросли настолько, что не будут «глотать» всякую духовную продукцию, какую бы им ни подсунули. Работники культуры и искусства, которые не перестроятся и не смогут удовлетворить выросших потребностей народа, могут быстро потерять доверие народа.

Товарищи, наша советская литература живет и должна жить интересами народа, интересами родины. Литература — это родное для народа дело. Вот почему каждый ваш успех, каждое значительное произведение народ рассматривает, как свою победу. Вот почему каждое удачное произведение можно сравнивать с выигранным сражением, или с крупной победой на хозяйственном фронте. Наоборот, каждая

неудача в советской литературе глубоко обидна и горька народу, партии, государству. Именно это имеет в виду постановление ЦК, который заботится об интересах народа, об интересах его литературы и крайне обеспокоен положением дела у ленинградских писателей.

Если безидейные люди хотят лишить ленинградский отряд работников советской литературы его основы, хотят подорвать идейную сторону их работы, лишить творчество ленинградских писателей его общественного преобразующего значения, то Центральный Комитет надеется, что ленинградские литераторы найдут в себе силы положить предел всем попыткам увести литературный отряд Ленинграда, его журналы в русло безидейности, беспринципности, аполитичности. Вы поставлены на передовую линию фронта идеологии, у вас огромные задачи, имеющие международное значение, и это должно поднять чувство ответственности каждого подлинного советского литератора перед своим народом, государством, партией, сознание важности исполняемого долга.

Буржуазному миру не нравятся наши успехи как внутри нашей страны, так и на международной арене. В итоге второй мировой войны укрепились позиции социализма. Вопрос о социализме поставлен в порядке дня во многих странах Европы. Это не нравится империалистам всех мастей, они боятся социализма, боятся нашей социалистической страны, которая является образцом для всего передового человечества. Империалисты, их идейные прислужники, их литераторы и журналисты, их политики и дипломаты всячески стараются оклеветать нашу страну, представить ее в неправильном свете, оклеветать социализм. В этих условиях задача советской литературы заключается не только в том, чтобы отвечать ударом на удары против всей этой гнусной клеветы и нападок на нашу советскую культуру, на социализм, но и смело бичевать и нападать на буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растления.

В какую бы внешне красивую форму ни было облечено творчество модных современных буржуаз-

ных западноевропейских и американских литераторов, а также кинорежиссеров и театральных режиссеров, все равно им не спасти и не поднять своей буржуазной культуры, ибо моральная основа у нее гнилая и тлетворная, ибо эта культура поставлена на службу частнокапиталистической собственности, на службу эгоистическим, корыстным интересам буржуазной верхушки общества. Весь сонм буржуазных литераторов, кинорежиссеров, театральных режиссеров старается отвлечь внимание передовых слоев общества от острых вопросов политической и социальной борьбы и отвести внимание в русло пошлой безидейной литературы и искусства, наполненных гангстерами, девицами из варьете, восхвалением адюльтера и похождениям всяких авантюристов и проходимцев.

К лицу ли нам, представителям передовой советской культуры, советским патриотам, роль преклонения перед буржуазной культурой или роль учеников?! Конечно, наша литература, отражающая строй более высокий, чем любой буржуазно-демократический строй, культуру во много раз более высокую, чем буржуазная культура, имеет право на то, чтобы учить других новой общечеловеческой морали. Где вы найдете такой народ и такую страну, как у нас? Где вы найдете такие великолепные качества людей, какие проявил наш советский народ в Великой Отечественной войне и какие он каждый день проявляет в трудовых делах, перейдя к мирному развитию и восстановлению хозяйства и культуры! Каждый день поднимает наш народ все выше и выше. Мы сегодня не те, что были вчера, и завтра будем не те, что были сегодня. Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны.

Показать эти новые высокие качества советских людей, показать наш народ не только в его сегодняшней день, но и заглянуть в его завтрашний день, помочь осветить прожектором путь вперед — такова

задача каждого добросовестного советского писателя. Писатель не может плестись в хвосте событий, он обязан идти в передовых рядах народа, указывая народу путь его развития. Руководствуясь методом социалистического реализма, добросовестно и внимательно изучая нашу действительность, стараясь глубже проникнуть в сущность процессов нашего развития, писатель должен воспитывать народ и вооружать его идейно. Отбирая лучшие чувства и качества советского человека, раскрывая перед ним завтрашний его день, мы должны показать в то же время нашим людям, какими они не должны быть, должны бичевать пережитки вчерашнего дня, пережитки, мешающие советским людям идти вперед. Советские писатели должны помочь народу, государству, партии воспитать нашу молодежь бодрой, верящей в свои силы, не боящейся никаких трудностей.

Как бы буржуазные политики и литераторы ни старались скрыть от своих народов правду о достижениях советского строя и советской культуры, как бы они ни пытались воздвигнуть железный занавес, за пределы которого не могла бы проникнуть за границу правда о Советском Союзе, как бы они ни тщились умалить действительный рост и размах советской культуры — все эти попытки обречены на провал. Мы очень хорошо знаем силу и преимущество нашей культуры. Достаточно напомнить потрясающие успехи наших культурных делегаций за границей, наш физкультурный парад и т. д. Нам ли низкопоклонничать перед всей иностранщиной или занимать пассивно оборонительную позицию!

Если феодальный строй, а затем буржуазия в период своего расцвета могли создать искусство и литературу, утверждающие становление нового строя и воспевающие его расцвет, то нам, строю новому, социалистическому, представляющему из себя воплощение всего, что есть лучшего в истории человеческой цивилизации и культуры, тем более по плечу создание самой передовой в мире литературы, которая оставит далеко позади самые лучшие образцы творчества старых времен.

Товарищи, чего требует и хочет Центральный Комитет? Центральный Комитет партии хочет, чтобы ленинградский актив и ленинградские писатели хорошо поняли, что наступило время, когда необходимо поднять на высокий уровень нашу идейную работу. Молодому советскому поколению предстоит укрепить силу и могущество социалистического советского строя, полностью использовать движущие силы советского общества для нового невиданного расцвета нашего благосостояния и культуры. Для этих великих задач молодое поколение должно быть воспитано стойким, бодрым, не боящимся препятствий, идущим навстречу этим препятствиям и умеющим их преодолевать. Наши люди должны быть образованными, высокоидейными людьми, с высокими культурными, моральными требованиями и вкусами. Для этой цели нам нужно, чтобы литература наша, журналы наши не стояли в стороне от задач современности, а помогали бы партии и народу воспитывать молодежь в духе беззаветной преданности советскому строю, в духе беззаветного служения интересам народа.

Советские писатели и все наши идеологические работники поставлены сейчас на передовую линию огня, ибо в условиях мирного развития не снимаются, а, наоборот, вырастают задачи идеологического фронта и в первую голову литературы. Народ, государство, партия хотят не удаления литературы от современности, а активного вторжения литературы во все стороны советского бытия. Большевики высоко ценят литературу, отчетливо видят ее великую историческую миссию и роль в укреплении морального и политического единства народа, в сплочении и воспитании народа. Центральный Комитет партии хочет, чтобы у нас было изобилие духовной культуры, ибо в этом богатстве культуры он видит одну из главных задач социализма.

Центральный Комитет партии уверен, что ленинградский отряд советской литературы, морально и политически здоровый, быстро выправит свои ошибки и займет подобающее место в рядах советской литературы.

ЦК уверен, что недостатки в работе ленинградских писателей будут преодолены и что идейная работа ленинградской партийной организации в самый кратчайший срок будет поднята на такую высоту, какая нужна сейчас в интересах партии, народа, государства. *(Бурные аплодисменты. Все встают).*

«Правда» № 225 (10307) от 21 сентября 1946 г.

The Central Committee Resolution
and
ZHDANOV'S SPEECH
ON THE JOURNALS ZVEZDA AND
LENINGRAD

English translation by
Felicity Ashbee and Irina Tidmarsh

ON THE JOURNALS ZVEZDA AND LENINGRAD.
FROM THE DECREE OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE
ALL-RUSSIA COMMUNIST PARTY.
August 14, 1946

The Central Committee of the All-Russia Communist Party notes that the literary journals *Zvezda* and *Leningrad*, published in Leningrad, are being managed in a very unsatisfactory manner.

Recently many ideologically harmful works, totally without ideas, have been appearing in the journal *Zvezda* alongside important and successful works by other Soviet writers. *Zvezda's* grave mistake has been to offer its columns to the writer Zoshchenko, whose work is alien to Soviet literature. The editors of *Zvezda* know that Zoshchenko has long specialized in the writing of trivially commonplace, empty, and superficial things, and in preaching rotten rubbish, devoid of ideas, trivially commonplace, and apolitical, aimed at disorienting our youth and poisoning their minds. The last of Zoshchenko's published stories, "The Adventures of a Monkey" (*Zvezda*, No. 5-6, 1946), is a trivially commonplace lampoon on the Soviet way of life and on Soviet people.

Zoshchenko portrays the Soviet way of life and the Soviet people in a hideously caricatured form, slanderously showing them as primitive, uncultured and stupid, with philistine tastes and ways. Zoshchenko adds anti-Soviet slogans to his hooligan's malicious portrayal of our way of life.

For *Zvezda* to offer its columns to such dregs of society as Zoshchenko is the more reprehensible since the editors of *Zvezda* are well aware of Zoshchenko's real character, as well as of his unworthy conduct during the war, when instead of helping the Soviet people in their struggle against the German invaders, he wrote a work as loathsome as *Before Sunrise*, a review of which, as well as of all Zoshchenko's "creative" work, appeared in the journal *Bolshevik*.

The journal *Zvezda* is also popularizing in every way the work of the writer Akhmatova, whose literary, social, and political attitudes

have long been known to Soviet society. Akhmatova's work is typically representative of a kind of ideologically empty poetry alien to our people. Her poetry, steeped in pessimism and a spirit of decline, expressing tastes like those of the former drawing-room poetry, has become ossified in a stance of bourgeois aristocratic aestheticism—of "art for art's sake"—which refuses to follow in the footsteps of the people, is harmful to our youth and cannot be tolerated in Soviet literature.

Beyond doubt, offering Akhmatova and Zoshchenko an active part in the journal has brought elements of ideological instability and disorganization into Leningrad's writing circles. Works which cultivate a spirit of servility towards current bourgeois culture of the West, and which are quite alien to the Soviet people, have begun to appear in the journal. There have begun to be published works imbued with melancholy, pessimism and disappointment in life (the poetry of Sadofiev and Komissarova in No. 1, 1946, etc.). By allowing such work to be included in the journal, the editors have aggravated their mistakes and still further lowered the ideological level of the journal.

Having once allowed the penetration of ideologically alien works into the journal, the editors have also lowered the artistic standards required for literary material published in the journal. The journal has begun to be filled with plays and stories without talent (Yagfeld's "The Road of Life," Stein's "The Swan Lake," etc.). Such lack of discrimination in the choice of material to be published has resulted in a lowering of the artistic level of the journal.

The Central Committee notes that the journal *Leningrad* was being especially badly run, as it constantly offered its columns to the trivially commonplace and slanderous pronouncements of Zoshchenko, and to the empty and apolitical poetry of Akhmatova. And not only the editors of the journal *Zvezda* but also the editors of the journal *Leningrad* have made grave mistakes in publishing a number of works full of a spirit of servility towards everything foreign. The journal has published a number of inadmissible works such as "The Event over Berlin" by Varshavsky and Rest, and "At the Barrier" by Slonimsky. In Hazin's poem "The Return of Onegin,"

in the guise of a literary parody, a slanderous attack is made on contemporary Leningrad. The material published in the journal *Leningrad* is for the most part of low standard and devoid of ideas.

How could it have happened that the journals *Zvezda* and *Leningrad*, appearing in Leningrad, the heroic city, well known for its progressive revolutionary traditions, a city which had always been the disseminator of new and progressive ideas and culture, —how could it have happened that material so apolitical and lacking in ideas has permeated their columns?

What is behind these mistakes of the editors of *Zvezda* and *Leningrad*?

The leading members of the staff of the journals, in the first place their editors, Comrades Sayanov and Lickarev, seem to have forgotten the maxims of Leninism, that our journals, whether they are scientific or literary, cannot be apolitical. They have forgotten that our journals are powerful weapons of the Soviet state in the education of the Soviet people and especially its youth, and that, therefore, they must be guided by what constitutes the whole basis of the Soviet system—its political theory. The Soviet state cannot tolerate the upbringing of its youth in a spirit of indifference to Soviet political theory, without ideological foundations, and with an attitude of “couldn’t care less.”

The power of Soviet literature, the most progressive of any literature in the world, consists in the fact that it is a literature which neither has, nor can have, any other interest besides the interest of its people and its state. The aim of Soviet literature is to help the state to bring up our youth in the right way, to help it to solve its problems, to bring up the new generation to be alert, believing in its work, fearless of any obstacles and ready to overcome them.

This is why any preaching, which lacks ideas, and is apolitical, such as “art for art’s sake,” is alien to Soviet literature, is harmful to the interests of the Soviet people and the state, and must not be allowed to have any space in our journals.

The lack of ideology amongst the leading members of the staff of the journals *Zvezda* and *Leningrad* has also resulted in these members putting their relationship with the writers on a friendly and

personal footing only, instead of concentrating on the education of the Soviet people, and on guiding the activity of the writers into the right political channels. Because of a fear of offending friends, work of obviously low standard has been allowed to be published. This kind of liberalism which sacrifices the interest of the people and the state, and the interests of the education of our youth, to personal interests, leads to writers no longer trying to improve their work, to their losing their feeling of responsibility towards the people and the Party, and thus ceasing to advance.

All of the above proves that those directing the journals *Zvezda* and *Leningrad* were inadequate for their work, allowing serious political mistakes to be made in the direction of the journals.

The Central Committee states that the Board of the Union of Soviet Writers, and in particular its chairman, Comrade Tikhonov, did not take any steps to improve the journals *Zvezda* and *Leningrad* and not only did not lead the struggle against the harmful influence of Zoshchenko, Akhmatova and similar anti-Soviet writers on Soviet literature, but even connived to infiltrate the journals with these tendencies and customs alien to Soviet literature.

The Leningrad City Council of the All-Russian Communist Party overlooked the enormous mistakes of these journals, and stood apart from the journals' direction, thus giving opportunity to writers such as Zoshchenko and Akhmatova to assume a leading role in the journals' direction. Moreover, while aware of the Party's views on Zoshchenko and his "works," the Leningrad City Council (Comrades Kapustin and Shirokov), having no right to do so, on the 26.VI of the current year gave their sanction to the new editorial board of the journal *Zvezda*, of which Zoshchenko now became a member. This was a grave political mistake on the part of the Leningrad City Council. The paper *Leningrad Pravda* has also made a mistake in publishing a suspiciously laudatory review of Zoshchenko's work by Yury Gherman, which appeared in the paper on the sixth of July of the current year.

The Board of the Propoganda Department of the Central Committee of the All-Russian Communist Party has not exercised sufficient control over the work of the Leningrad journals.

The Central Committee of the All-Russian Communist Party has decreed:

1. To oblige the editors of the journal *Zvezda*, the Board of the Union of Soviet Writers, and the Board of the Propaganda Department of the Central Committee of the All-Russia Communist Party to take all necessary measures to eliminate the mistakes and failings of the journal, pointed out in the above Decree, to correct the ideological line of the journal, ensure a high ideological and artistic standard in the journal, and to cease publication of the works of Zoshchenko, Akhmatova, and others like them.

2. Since, at present, suitable conditions for the publication of two artistic-literary journals in Leningrad do not exist, to stop the publication of the journal *Leningrad*, and concentrating the literary effort of Leningrad on the journal *Zvezda*.

3. In order to ensure a proper organization of the Editorial Board of the journal *Zvezda*, and a serious improvement in its contents, to appoint an editor-in-chief, and a board working under him. To ensure that the editor-in-chief has full responsibility for the ideological policy of the journal, and for the quality of the published material.

4. To confirm Comrade A.M. Yegolin as editor-in-chief of the journal *Zvezda*, while leaving him at his job as the second in command to the Head of the Propaganda Department of the Central Committee of the All-Russia Communist Party.

The paper Culture and Life [Kultura i zhizn'] 21 August 1946

THE REPORT OF COMRADE ZHDANOV ON THE JOURNALS
ZVEZDA AND LENINGRAD

Zhdanov at the Meeting of Writers and the Party Executive in Leningrad.

Comrades!

It is quite clear from the Decree of the Central Committee that the literary journal *Zvezda's* most blatant mistake was to offer its columns to the "creative work" of Zoshchenko and Akhmatova. I don't think there is any need for me to quote Zoshchenko's "story" "The Adventures of a Monkey" here. Obviously all of you have read it, and know it better than I do. The significance of this "composition" of Zoshchenko's is that he portrays Soviet people as idlers and monsters, primitive, stupid people. Zoshchenko is not in the least interested in the work of the Soviet people, their efforts and heroism, their outstanding social and moral qualities. He never makes use of this theme. Zoshchenko, as a petit bourgeois and a philistine, prefers to rummage in the lowest and most petty details of everyday life. This rummaging into the details of everyday life is not accidental. It is common to all the trivially commonplace and petit bourgeois writers to whose number Zoshchenko belongs. During his lifetime, Gorky often spoke about it. Do you remember how at the Conference of Soviet Writers in 1934, Gorky held up these "literary figures"—if one can call them that—to ridicule, those who see nothing beyond soot in kitchens and steam in bathrooms!

"The Adventures of a Monkey" is not outside the usual framework of Zoshchenko's writings. This "work" has come into the orbit of criticism only because it is a clear expression of all that is negative in the literary "creative work" of Zoshchenko. It is well known that since his return from emigration, Zoshchenko has written a number of stories which bear the hallmark of his inability to find anything positive, or any positive characters, in the life of the Soviet people. In "The Adventures of a Monkey" Zoshchenko, as always, laughs at the Soviet way of life and at the Soviet people, hiding his laughter behind a mask of shallow amusement and a

senseless humor.

If you read Zoshchenko's story "The Adventures of a Monkey" more attentively, and think about it, you will see that Zoshchenko makes the monkey the highest judge of our social life, and makes him preach a code of morals to the Soviet people. The monkey is portrayed as a kind of source of reason, which sets the standards of people's behavior. The life of the Soviet people is intentionally presented as a monstrously ugly, trivially commonplace caricature, Zoshchenko had to do this in order to put into the monkey's mouth a disgusting anti-Soviet sentence, in which he claims that life in the zoo is better than outside and that it is easier to breathe inside a cage than outside amongst Soviet people.

Can one read a lower depth of moral and political degradation, and how can the natives of Leningrad endure such filth and licentiousness on the pages of their journals?

If "works" of this kind are offered to Soviet readers by its journal *Zvezda*, how feeble the watchfulness of Leningrad citizens who direct the journal must be to find room in it for work so poisoned by zoological enmity towards the Soviet state. Only literary scum can produce such work, and only people who are apolitical and blind can set them on their way.

They say that this story of Zoshchenko's has made the rounds of the theaters of Leningrad. How enfeebled must the ideological guidance of work in Leningrad have become for such things to have taken place!

Zoshchenko with his loathsome morals has managed to infiltrate a prominent Leningrad journal, and to settle himself comfortably into it. And the journal *Zvezda* is an organ which should have the task of bringing up our youth. Can a journal which has given shelter to such a petit bourgeois, philistine and anti-Soviet person fulfill this task? Do the editors of *Zvezda* know the true face of Zoshchenko?

Not so very long ago, in 1944, in the journal *Bolshevik*, Zoshchenko's scandalous tale *Before Sunrise* had been severely criticized. This tale was written at the height of the liberation war against the German invaders. In this tale Zoshchenko turns his trivial

and despicable soul inside out, with delight, savoring all the details, and wanting to show everyone what a hooligan he is.

It is difficult to find in the whole of our literature anything more disgusting than the morals which Zoshchenko preaches in *Before Sunrise*, portraying both the people and himself as vile and lascivious creatures who have no shame or conscience. And he offered these morals to Soviet readers at a time when our people were shedding their blood in a war of unbelievable difficulty, when the life of the Soviet state was hanging by a thread, when the Soviet people were sacrificing everything to achieve victory over the Germans. Meanwhile Zoshchenko, entrenched far back in the rear, in Alma Ata, was not helping the Soviet people in any way in their struggle against the German invaders. It is quite right that Zoshchenko has been publicly castigated in *Bolshevik* as a vulgar lampoonist, alien to Soviet literature. At the time he did not care a damn for public opinion. And now, less than two years later, when the ink of the review in *Bolshevik* hardly had time to dry, this same Zoshchenko rides triumphantly into Leningrad, and begins to have free access to all the Leningrad journals. He is readily published, not only by the journal *Zvezda* but also the journal *Leningrad*. Leningrad's theaters offer him their stages with great willingness.

Moreover, he is given the opportunity to occupy a leading position in the Leningrad Union of Writers, and play an active part in the literary life in Leningrad. What right have you to let Zoshchenko stroll in the gardens and parks of Leningrad's literary life? Why has the Party Executive of Leningrad and its writers' organization allowed these shameful events to take place?

The social, political and literary character of Zoshchenko, corrupt and rotten through and through, has not been formed overnight. His latest work is by no means accidental. It is simply the continuation of his literary "heritage," begun early in the twenties.

Who was Zoshchenko in the past? He is one of the organizers of a literary circle, the so-called "Serapion Brothers." What was Zoshchenko's social and political character, in the period when the "Serapion Brothers" were founded? Let me bring to your notice the journal *Literary Notes*, No. 3, 1922, in which the organizers of this

circle proclaimed their credo. Amongst other confessions, Zoshchenko's "symbol of faith" can be found in a short article, entitled "About Myself and other Things"; taking no notice of anything or anyone, Zoshchenko publicly bares his soul, and quite openly states his literary and political "views." Listen to what he says:

"—On the whole it's quite difficult to be a writer. Let us take ideology. Nowadays writers have to have an ideology. . . . What a nuisance. . . . From the point of view of Party members I am an unprincipled person. Well, never mind! I can say about myself that I am not a Communist, a socialist or a monarchist, but simply a Russian and moreover politically immoral. . . . What sort of precise ideology can I have if no particular party attracts me? For instance, take Guchkov, honestly, up to now, I don't know to what party he belongs, God knows what party. I know he is not a Bolshevik, but whether he is an SR or a Kadet I don't know and don't want to know, and so on. . . ."

Well, comrades, what can you say about this kind of "ideology"? It is 25 years since Zoshchenko published his "confession." Has he changed since then? Hardly. In two decades he has learned nothing, and has not changed at all, but on the contrary, with cynical effrontery he remains the same preacher of commonplace triviality and of ideological emptiness, an unprincipled literary hooligan. This means that Zoshchenko is just as opposed to the Soviet way of life now as formerly. Now, as formerly, he is as alien and hostile to Soviet literature. If, with all this, Zoshchenko has become almost a literary hero in Leningrad, if he is highly praised on the Leningrad Parnassus, one can only be astonished at the extent to which the people glorifying him and helping him to make his way are unprincipled, undemanding, unexact and unperceptive!

Allow me to present you with one more illustration of the character of the so-called "Serapion Brothers." In the same *Literary Notes*, No. 3, 1922, another member of the Serapion circle, Lev Lunts, also tries to give an ideological definition of the tendency, so harmful and so alien to Soviet literature, shown by the circle of the "Serapion Brothers." Lunts writes:

"We have gathered here in days of tremendous political

tension. 'Who is not with us, is against us,' we are told on all sides —'who are you with, the Serapion Brothers—with the Communists or against them, with the Revolution or against it?'

"Who are we, the Serapion Brothers? We are the followers of the hermit Serapion.

"Society has guided Russian literature for too long and too painfully. We do not want utilitarianism. We do not write for propaganda's sake. Art is as real as life itself, and like life it exists without aim or reason, exists because it cannot help existing."

This is the role that the "Serapion Brothers" ascribe to art, depriving it of any ideology or social significance, acclaiming art which lacks any ideological content, art for art's sake, art without aim or meaning. This is a rotten, apolitical, commonplace and petit bourgeois sermon.

What conclusion can be drawn from all this? If Zoshchenko does not approve of the Soviet way of life, do you propose that we should accommodate ourselves to him? It is not for us to change our tastes. It is not for us to change our way of life, and our system, to please Zoshchenko. Let him change, and if he does not want to do so, let him clear out of Soviet literature. In Soviet literature there cannot be any room for trivially commonplace works, lacking in ideas. (*Tumultuous applause*).

These are the considerations guiding the Central Committee in their decision about the journals *Zvezda* and *Leningrad*.

I will now take up the question of the "creative" writing of Anna Akhmatova. Lately, her work has been reprinted in Leningrad journals in "mass produced editions." This is as astonishing and unnatural as the republication of the work of Merezhkovsky, Vyacheslav Ivanov, Mikhail Kuzmin, Andrei Bely, Zinaida Gippius, Fyodor Sologub, Zinovieva-Annibal and so on, would be, in other words of all those who were always considered by our progressive society and literature as representatives of reactionary obscurantism and a negative attitude to politics and literature.

Gorky, in his time, used to say that the decade between 1907-17 deserved to be called the most untalented and despicable decade in the history of the Russian intelligentsia, when after the revolution

of 1905, a large part of the intelligentsia turned away from the revolution and plunged into the bog of reactionary mysticism and pornography, made a banner out of its lack of ideas, concealing its negative attitude with a "beautiful" phrase: "I have burned everything that I revered, and made a farewell bow to everything I was burning." Just at this time there appeared such renegade work as "The Pale Steed" of Ropshin, the work of Vinnichenko and other deserters from the revolutionary camp into the reactionary one, who were hastily trying to bring down the high ideals for which the best, the most progressive part of Russian society was fighting. Symbolists, imaginists, decadents of all shades and colors rose to the surface, disavowing the people, acclaiming the slogan of "art for art's sake," actually preaching a lack of ideas in literature, hiding their ideological and moral rottenness by seeking a beautiful form without any content. They were all united by their animal fear of the coming proletarian revolution. May I remind you that one of the outstanding "ideologists" of these reactionary literary trends was Merezhkovsky, who called the coming proletarian revolution "The Coming Hamite," and who greeted the October Revolution with savage hatred.

Anna Akhmatova is one of the representatives of this empty reactionary literary bog. She belongs to the so-called literary group of Acmeists, who emerged from the ranks of the Symbolists, and is one of the standard-bearers of empty, aristocratic, drawing-room poetry, lacking in ideas, and totally alien to Soviet literature. The Acmeists represented an exclusively individualistic trend in art. They preached the theory of "art for art's sake," "beauty for beauty's sake," they did not want to know anything about the people, their needs or interests, nor anything about social conditions.

In its social origin this was a literary trend of the bourgeois nobility, at a period when the power of the bourgeoisie and the aristocracy was ebbing, when the poets and ideologists of the governing classes were trying to escape from the unpleasantness of reality into the cloudy heights and fogs of religious mysticism, into the narrowness of their private emotions, and by delving into their petty little souls. The Acmeists as well as the Symbolists, the decadents and other representatives of the ideology of the bourgeois nobility,

preached pessimism and faith only in the other world.

The contents of Akhmatova's poetry are personal through and through. The scope of her poetry is wretchedly limited, it is the poetry of a lady foaming at the mouth, and constantly dashing from drawing-room to chapel. Her basic theme is erotic love, interwoven with motifs of sadness, sorrow, death, mysticism and doom. The feeling of apprehension permeating the social consciousness of this dying group, the gloomy tones of death-bed despair, mystical emotions mixed with eroticism—this is the spiritual world of Akhmatova, one of the fragments of the old culture of the nobility lost forever, "of good old Catherine's time." She is neither a nun nor a fornicator, but really both of them, mixing fornication and prayer.

*I swear to you by the angels' garden
I swear to you by the miraculous ikon,
And by our burning passionate nights. . . .*

(Akhmatova, *Anno Domini*)

This is Akhmatova with her insignificant narrow personal life, insignificant emotions and religious eroticism.

Akhmatova's poetry is remote from the people. It is the poetry of the ten thousand members of the upper class, the condemned ones who had nothing else left but to sigh, remembering "the good old times." The estates of Catherine the Great's time, with their avenues of old lime trees, fountains, statues and stone arches, orangeries, love bowers, and obsolete coats of arms on the gates. The St. Petersburg of the nobility, Tsarskoe Selo, the station at Pavlovsk and all the other leftovers of the culture of the nobility. All this has disappeared forever! Leftovers from this far-off culture, alien to our people, who by some miracle have survived to our days, have nothing else to do but retreat into their own narrow world and live in dreams. "Everything is stolen, betrayed and sold," writes Akhmatova.

Osip Mandelstam, one of the eminent representatives of this little group of Acmeists, wrote, not long before the Revolution, about their social, political and literary ideals:

“Acmeists share their love for the organism and organization with the physiologically brilliant Middle Ages. . . .

“The Middle Ages, defining in their own way the specific weight of a man, felt and acknowledged it for each man completely regardless of his merits. . . . Yes, Europe has passed through a labyrinth of delicate open-work culture, when abstract being, totally unornamented personal existence, was treasured as a sort of heroic accomplishment. Hence the aristocratic intimacy which united all people and which is so alien in spirit to the ‘equality and fraternity’ of the French Revolution. . . .

“The Middle Ages are dear to us because they possessed to a high degree the feeling of boundary and partition. . . . A noble mingling of rationality and mysticism and the perception of the world as a living equilibrium makes us kin to this epoch and impels us to derive strength from works which arose on Romance soil around the year 1200. . . .”

In these revelations of Mandelstam we find the hopes and ideals of the Acmeists. “Back to the Middle Ages”—this is the social ideal of this aristocratic drawing-room group. Zoshchenko echoes Akhmatova with his call, “Back to the Monkey.” By the way, both the Acmeists and the Serapion Brothers share the same ancestors. They are descendants of Hoffmann, who was one of the originators of decadent, aristocratic drawing-room mysticism.

What is the reason for the sudden popularization of the poetry of Akhmatova? What has she in common with us, Soviet people? What is the reason for offering a literary tribune to all those decadent and deeply alien currents in literature?

From the history of Russian literature we know that on many occasions reactionary literary movements such as the ones to which the Symbolists and the Acmeists belonged have tried to start campaigns against the great Russian revolutionary democratic traditions of Russian literature and its progressive representatives; they tried to deprive literature of its high ideological and social meaning, and to plunge it into the bog of ideological emptiness and commonplace triviality. All these “fashionable” trends have been flung into ob-

livion together with the classes whose ideology they reflected. All these Symbolists, Acmeists, “yellowjackets,” “Jacks of Diamonds,” “Nothingists”—what is left of them in our native Russian Soviet literature? Absolutely nothing, although their campaign against the great representatives of the Russian revolutionary democratic literature of Belinsky, Dobrolyubov, Chernyshevsky, Herzen and Saltykov-Shchedrin—were planned with great noise and pretension, and foundered just as noisily.

The Acmeists proclaimed: “No corrections should be made to life, and the latter must not be criticised.” Why were they against introducing any corrections into life? Because this old life of the nobility suited them, and the revolutionaries were on the point of disturbing it. In October 1917 the governing classes, as well as their ideologists and those who sang their praises, were thrown into the garbage heap of history.

And then, suddenly, in the twenty-ninth year of the Socialist Revolution, some museum rarities from the world of shadows appeared on the scene and started to teach our youth how they should live. A Leningrad journal opens its doors wide to Akhmatova, and she is left free to poison the minds of our youth by the corrupting spirit of her poetry.

In one of the numbers of the journal *Leningrad* there appears something like a summary of all Akhmatova’s work written between 1909-1944. Amongst other rubbish, there is one poem written during the Great Patriotic War [World War II], when she was evacuated from Leningrad. In this poem she describes her loneliness, which she is forced to share with a black cat. The black cat looks at her with the gaze of centuries. This is not a new theme. Akhmatova already wrote about a black cat in 1909. The atmosphere of loneliness and despair, so alien to Soviet literature, premeates the whole of Akhmatova’s “creative work.”

What can there be in common between such poetry and the interests of our people and our state? Nothing at all. The work of Akhmatova belongs to the long forgotten past; it is totally alien to the contemporary life of the Soviet people and cannot be tolerated

in the pages of our journals. Our literature is not a private enterprise aimed at catering to the various tastes of the literary market. We are not in any way forced to find a place in our literature for tastes and customs that have nothing in common with the morals and qualities of the Soviet people. What can the work of Akhmatova give our youth? Nothing but harm. This work can only bring depression, low spirits, pessimism, a wish to get away from all problems of social life and activity into the narrow little world of personal emotions. How can one entrust her with the education of our youth? Meanwhile the work of Akhmatova was being published with eagerness now in *Zvezda*, now in *Leningrad*, sometimes even in anthologies. This was a grave political mistake.

Thus, it was not incidental that works of other writers started appearing in Leningrad journals showing signs of sliding towards a position of decadence and lack of ideology. I have in mind works similar to those of Sadofiev and Komissarova. In some of their poems Sadofiev and Komissarova began imitating Akhmatova, began cultivating the atmosphere of dejection, sadness and loneliness, which are so dear to her.

Needless to say that such an atmosphere, or the influence of such an atmosphere, can only have a negative influence on our young people, poisoning their minds with its rotten apolitical spirit, lack of ideas, and depression.

What would have happened if we had brought up our youth in a spirit of sadness and disbelief in our cause? The result would have been that we would not have won the Great Patriotic War. Only because the Soviet state and our Party, with the help of Soviet literature, have brought up our youth in a spirit of alertness and faith in themselves, have we overcome the great difficulties in the building of socialism, and have managed to achieve victory over the Germans and Japanese.

But what follows from all this? What follows is that the journal *Zvezda* (together with some good, ideologically sound and optimistic work) has published work lacking in ideas, trivially commonplace and reactionary, and has become a journal with no political outlook, a journal helping our enemies to corrupt our youth. The

strength of our journals has always been their revolutionary alertness, they rejected eclecticism, lack of ideas and an apolitical outlook. In *Zvezda*, propaganda for work without ideas has been given equal rights. Moreover, it is now made clear that Zoshchenko has acquired such an influential position in the Writers' Union in Leningrad that he allows himself to upbraid those who disagree with him, and threatens the critics with ridicule in his next work. He has become a kind of literary dictator, surrounded by a group of admirers who have built up his fame.

On what grounds, may I ask? What did you allow this unnatural situation to arise?

It is not by chance that writers in the literary journals of Leningrad have begun to be carried away by the low grade bourgeois literature of the West. Some of them have begun to consider themselves not as teachers but as pupils of Western writers and have begun to adopt a servile and reverent tone towards petit bourgeois foreign literature. Is such servility becoming to us, Soviet patriots, we who have built the Soviet regime, which is a hundred times higher and better than any bourgeois regime? Is it becoming to our progressive Soviet literature, the most revolutionary in the whole world, to grovel before the limited petit bourgeois literature of the West?

A great failing in the work of our writers is their estrangement from contemporary Soviet themes and their exclusive preoccupation with historical material on the one hand, and on the other hand their attempts at only lighthearted, superficial subjects. Some writers, in order to excuse their lagging behind in the choice of great contemporary Soviet themes, say that the time has come for the Soviet people to be amused and distracted, and that one need not trouble oneself with the ideology of the work. This is an entirely false understanding of our people, their problems and interests. Our people expect Soviet writers to ponder over and draw upon the immense experience which the people have gathered from the Great Patriotic War; they expect them to portray and draw upon the heroism with which our people are working in restoring the economy of our country after the expulsion of the enemy.

A few words about the journal *Leningrad*. As regards this journal, the positions of both Zoshchenko and Akhmatova are even more secure than in *Zvezda*. Zoshchenko and Akhmatova have assumed a position of great literary importance in both these journals. The journal *Leningrad* bears, in this way, the responsibility for having offered its columns to such philistines as Zoshchenko and such drawing-room poets as Akhmatova.

But the journal *Leningrad* has made other mistakes as well.

For instance, the parody on *Eugene Onegin*, written by a certain Hazin. This thing is called "The Return of Onegin." It is said that it is often performed on the stages of the Leningrad theaters. It is incomprehensible that Leningrad inhabitants should allow Leningrad to be slandered on the public stage as Hazin does. The meaning of this so-called literary "parody" is not restricted to empty bantering about the adventures of Onegin upon finding himself in contemporary Leningrad. The meaning of the "parody" created by Hazin is that he tries to compare our contemporary Leningrad with the St. Petersburg of the time of Pushkin, and tries to prove that our times are worse than Onegin's. Have a good look at only a few lines of this "parody." Absolutely nothing in our contemporary Leningrad is to the author's liking. He breathes hatred, slanders the Soviet people and Leningrad. It is not to be compared with the time of Onegin—the golden age—in Hazin's estimation. Now things are different: housing departments, ration cards, permits. Girls, the ethereal beings who enchanted Onegin, are on traffic duty, and repair Leningrad houses. Let me quote only one stanza of this "parody":

*Our Eugene boards a tram
Oh, poor, dear chap!
His unenlightened century
Did not know this kind of traveling.
Fate watched over Eugene,
He got away with only one person stepping on his foot
And he was only once pushed in the stomach and told he
was an idiot
He remembered the old customs,*

*And decided to solve the quarrel in a duel,
He delved into his pocket. . . . But someone had already
managed to pinch
His gloves,
Without these, Onegin remained silent and subdued.*

That's what Leningrad used to be, and what it has now become: bad, uncultured, crude, and in this ugly guise it appeared before the eyes of poor dear Onegin. This is the way the Philistine Hazin portrayed Leningrad and its inhabitants.

This slanderous parody has a vicious, rotten meaning!

How could the editors of *Leningrad* overlook this evil slander of Leningrad and its wonderful people? How could they let people like Hazin appear in the columns of Leningrad journals?

Let us take another work—a parody on a parody of Nekrasov, composed in such a way that it constitutes a direct insult to the memory of a great poet and social worker, Nekrasov, an insult that every educated man should be indignant about. However, the editors of *Leningrad* have with great willingness included this dirty brew in its columns.

What else do we find in the journal *Leningrad*? A foreign joke, flat and trivially commonplace, obviously taken from a dog-eared joke collection of the last century. Does the journal *Leningrad* lack material to fill its pages? Is there nothing else to write about in the journal *Leningrad*? For instance, take a subject like the restoration of Leningrad. Marvelous work is going on in the city, the city is healing the wounds received during the blockade, Leningrad citizens are full of the enthusiasm and inspiration of the period of post-war restoration. Has anything been written about it in the journal *Leningrad*? Will there be a time when at long last Leningrad citizens will find the reflection of their heroic work in the pages of the journal?

Let us turn to the theme of Soviet woman. Have they the right to propagate among Soviet women the shameful views of Akhmatova on the role and calling of a woman, which fails to give a true picture of Soviet women in general, and particularly Leningrad girls, and of those women, all heroines, who have shouldered the enormous

burden of the war years, and are now devotedly laboring to try to solve the difficult problems of the restoration of the country's economy?

It is obvious that the Leningrad Section of the Union of Soviet Writers is at present unable to find good material for two literary journals. This is the reason why the Central Committee has taken the decision to stop publication of the journal *Leningrad* so as to amalgamate all the best writers into the journal *Zvezda*. This, of course, does not mean that if the conditions are right Leningrad will not have a second or even a third journal. This question has to be decided according to the amount of good, high-quality work available. If enough good work appears and there is not enough room for it in one journal, it will be possible to start a second or a third one, provided our Leningrad writers produce good work of high standard both ideologically and artistically.

Such are the grave mistakes and failings revealed and noted in the Decree of the Central Committee of the All-Russia Communist Party regarding the work of the journals *Leningrad* and *Zvezda*.

What lies at the root of these mistakes and failings?

The root of these mistakes and failings lies in the fact that the editors of the above-mentioned journals, the active members of our Soviet literature, and also the leaders of the ideological scene in Leningrad, have forgotten some of the fundamental Leninist maxims concerning literature. Many of the writers, and those who work as responsible editors or occupy important positions in the Union of Soviet Writers, think that politics are the business of the government, the business of the Central Committee. As to writers, it is not their business to concern themselves with politics. If someone produces work of artistic value, and well written, it must be published regardless of any rotten passages that may disorient our young people and poison their minds.

We demand that our comrades, both writers and leaders in the literary field, should be guided by politics, without which the Soviet state cannot exist, so that we can bring up our young people not in a spirit of "couldn't care less," and without ideals, but in a spirit of alertness and revolutionary zeal.

It is well known that Leninism has absorbed all the best traditions of the revolutionary democrats of the nineteenth century, and that our Soviet culture has emerged, developed and reached its blossoming on the foundations of the culture of the past, after critical rearrangement. In the domain of literature, our Party, in the words of Lenin and Stalin, has always acknowledged the immense importance of the great Russian revolutionary democratic writers and critics—Belinsky, Dobrolyubov, Chernyshevsky, Saltykov-Shchedrin and Plekhanov. Starting with Belinsky, all the best representatives of the revolutionary democratic Russian intelligentsia have refused to acknowledge the so-called “pure art” or “art for art’s sake,” and were the mouthpiece of art for the people, with its high ideals and social importance. Art cannot be separated from the destiny of the people. Think of Belinsky’s famous “Letter to Gogol,” in which the famous critic, in his usual passionate way, upbraided Gogol for his attempt to betray the cause of the people and take the side of the Tsar. Lenin called this letter one of the best works of uncensored democratic publications, which to this day has retained its immense literary importance.

Think of the literary journalistic articles of Dobrolyubov, so forcefully demonstrating the social importance of literature. Our entire Russian revolutionary democratic journalism is steeped in a deadly hatred of the Tsarist regime and imbued with a noble longing to struggle for the fundamental interests of the people, for its education, its culture, for its liberation from the shackles of the Tsarist regime. A fighting art, carrying on the struggle for the highest ideals of the people, this was how the great representatives of Russian literature considered art and literature. Chernyshevsky, who of all the other Utopian writers came nearest to theoretical socialism and whose works, as Lenin pointed out, “were permeated with the spirit of class struggle,” taught that the aim of art, besides the learning of life’s meaning, was to teach people to assess social events correctly. His closest friend and companion in arms, Dobrolyubov, pointed out that “it was not life that had to conform to literary standards, but literature which had to be applied in accordance with the course of life,” and strongly argued in favor of the principles of realism and

populism in literature, believing that the basis of art is reality, that it is the source of creativity, and that art plays an active role in social life, developing social consciousness. According to Dobrolyubov, literature must serve society, must be able to give people answers to all the most pressing problems of contemporary life, must be on a level with the ideas of its epoch.

Marxist literary criticism, which is a continuation of the great traditions of Belinsky, Chernyshevsky, and Dobrolyubov, was always the champion of realistic, socially oriented art. Plekhanov worked very hard to unmask the idealistic, anti-scientific idea of art and literature and to support the stand of our great Russian democratic revolutionaries, who looked upon literature as a mighty weapon with which to serve the people.

V.I. Lenin was the first to formulate definitely and clearly the attitude of progressive social thought towards art and literature. I will remind you of Lenin's famous article "Party Organization and Party Literature," written at the end of 1905, in which with his usual forcefulness he argued that literature cannot be apolitical, that it must be an important, integral part of the common proletarian cause. In this article of Lenin's, all the principles on which the development of our literature is based are laid down. Lenin wrote:

"Literature must become party-oriented. In order to counterbalance the bourgeois moral code, to counterbalance the bourgeois profit-making business press, to counterbalance bourgeois literary career-seeking and individualism and upper-class anarchy, as well as the pursuit of profit—the socialist proletariat must advocate the principle of *Party literature*, develop this principle, and introduce it into life in the fullest and most complete form possible.

"What does this principle of Party literature mean? It does not only mean that for the socialist proletariat literature cannot be a means of profit-making for individuals or groups, but that in general it cannot be a matter for the individual, independent from the general proletarian cause.

"Down with non-Party writers! Down with literary Supermen! Literature must become part of the general proletarian cause. . .!"

Further on in the same article:

“ . . . To live in the community and to be apart from it is impossible. The freedom of a bourgeois writer, an artist or an actress is merely a masked (or hypocritically masked) dependence on the moneybag, on bribery, on maintenance.”

Lenin's contention is that our literature cannot be apolitical, cannot represent “art for art's sake,” but is intended to play an important progressive part in public life. From this originates the Lenin principle of the Party nature of literature—Lenin's most important contribution to the study of literature.

Accordingly, the best traditions of Soviet literature are the continuation of the best traditions of Russian nineteenth century literature, created by our great revolutionary democrats, Belinsky, Chernyshevsky, Dobrolyubov and Saltykov-Shchedrin, continued by Plekhanov and scientifically studied and set out by Stalin and Lenin.

Nekrasov called his poetry “the muse of vengeance and sorrow.” Chernyshevsky and Dobrolyubov considered literature to be a “holy service of the people.” The best representatives of the Russian democratic intelligentsia under the conditions of the Tsarist regime perished because of these noble and high ideals, they were sentenced to hard labor, were exiled. How can we forget those glorious traditions? How can we neglect them, how can we allow these Akhmatovas and Zoshchenkos to slip in such reactionary slogans as “art for art's sake,” hiding themselves behind a mask of nonalignment, to force alien ideas upon the people? . . .

Leninism recognises that our literature has an enormous importance in social transformation. If our Soviet literature were to allow the enormous importance of its educational role to be lessened, this would mean a reverse development, a return to the “stone age.”

Comrade Stalin called our writers the engineers of human souls. This definition has a profound meaning. It tells us of the great responsibility borne by Soviet writers in the education of the people for the upbringing of Soviet youth and the exclusion of defective literary work.

Some may think it strange that the Central Committee has taken such drastic measures over literary matters. We are not used to it. It is accepted that if defective manufactured goods have been

allowed to go into production, or if the program in a cotton or timber mill has not been fulfilled—a reprimand is natural (*approving laughter in the hall*), but if defective goods are to be allowed in relation to the education of the human soul, if defective goods are allowed in the field of the education of youth, is this to be tolerated? Is it not a much more distressing fault than non-fulfillment of a production plan or a lagging behind of work? The Central Committee by its Decree intends to tighten discipline on the ideological front in line with that existing in all other fields of work.

Lately great gaps and failings have been revealed on the ideological front. It is enough to remind you of the lagging behind of our film industry, of our theatrical repertoire being choked with low-grade plays, without mentioning what has been happening in the journals *Zvezda* and *Leningrad*. The Central Committee was forced to intervene to improve matters decisively. It had no right to soften its blows against those who have forgotten their duty towards our people, towards the education of youth. If we want to bring the attention of our active members back to ideological questions, to get some order into things, to give a clear direction to work, we must, as befits Soviet citizens and Bolsheviks, sharply criticize mistakes and failings on the ideological front. Only then shall we be able to improve matters.

Some literary figures reason as follows: during the War people were starved for books because only a few were published then, so readers will accept anything now, even if some of it is a bit rotten. But this is absolutely not so, and we cannot tolerate just any kind of literature being palmed off on us by unscrupulous literary figures, editors and publishers. The Soviet people expect from Soviet writers a real ideological armament, spiritual food to help in the fulfillment of immense reconstruction plans, and fulfillment of the plans for the restoration and further development of the economy of our country. The Soviet people make the highest demands of their writers; they want them to solve all their ideological and cultural problems. During the War, because of circumstances, we were unable to satisfy these vital needs. Now people want to comprehend current events. Their ideological and cultural level has risen. Very often they are

not satisfied with the quality of literature and art which is being produced now. Some literary figures and workers on the ideological front do not understand this, nor do they want to understand.

The level of the demand and taste of our people has risen to a very high degree, and those who do not want to reach, or are incapable of reaching this level, will be left behind. Literature is not only called upon to be on the level of the people's demands, but has a duty to develop the taste of the people, to raise their demands still higher, enrich them with new ideas, lead the people forward. Those who are incapable of keeping pace with the people, of satisfying their growing demands, of keeping abreast with the problems of the development of Soviet culture, will inevitably become redundant.

Because of their lack of ideology the leading members of the staff of *Zvezda* and *Leningrad* have another great failing. It is that in their relations with writers, some of our leading members of staff give first place not to the question of the political education of the Soviet people, or the political direction of the writers themselves, but to personal questions and friendly relations. It is said that many works which are ideologically harmful and artistically weak are being allowed to be published because some writer or other must not be offended. In the view of such persons it is better to waive the interests of the people and the state, so as not to offend someone or other. This is an absolutely wrong and politically mistaken premise. This is like exchanging a million for a quarter.

In its Decree, the Central Committee of the Party points out the enormous harm of substituting literary relations based on friendship for relations based on principle. Among some of our literary figures, these friendships, without principles, played a profoundly negative role; they led to the lowering of the ideological level of many literary works; they made it easier for writers alien to Soviet literature to get accepted. The lack of criticism from the writers of the ideological front in Leningrad and the members of the editorial boards of the Leningrad journals, the substitution of friendly relationships for relationships based on principle, at the expense of the people, have done great harm. Comrade Stalin teaches us that if we want to preserve the cadres of the workers, to teach and educate them, we must

not fear offending anyone; we must not be afraid to use bold, sincere and objective criticism. Without criticism any organization, including a literary one, can decay. Without criticism any sickness can be buried deep, and it will be more difficult to get it under control. Only open and bold criticism can help our people to better themselves, can urge them to go forward, to overcome inefficiency in their work. Where there is no criticism, stagnation and deterioration will take root, and there will be no chance of moving forward.

Comrade Stalin repeatedly pointed out that the most important factor in our development is the necessity for every Soviet citizen to assess the sum total of his work every day, and fearlessly examine himself; to analyze his work, manfully criticize his failings and mistakes, ponder on how to achieve better results of his own work, and to work ceaselessly at improving himself. This applies to literary figures just as much as to any other worker. He who is afraid of criticism of his work is a despicable coward, unworthy of the respect of the people. (*Tumultuous applause*)

An uncritical attitude towards their work, the substitution of friendly relationships for those based on principles is very widely practised within the Board of the Writers' Union. The Union's Board, and in particular Comrade Tikhonov, are guilty of the same unfortunate situation discovered in the journals *Zvezda* and *Leningrad*; they are guilty of setting no obstacles to the penetration of the harmful influence of Zoshchenko and Akhmatova, as well as other anti-Soviet writers, into our Soviet literature, and also of conniving to let alien tendencies and customs seep into our journals.

The failings of the Leningrad journals were also partly due to a kind of irresponsibility which arose in the direction of the journals, because no one in particular on the board of the Leningrad journals was responsible for the journal as a whole, nor for its departments, so that even the most elementary order could not exist. This defect must be corrected without fail. This is the reason why the Central Committee in its Decree has appointed a chief editor for the journal *Zvezda* who will be responsible for the direction of the journal and the high ideological and artistic content of the work published in it.

In journals, as in every enterprise, disorganization and anarchy

are intolerable. There must be a clear-cut responsibility for the direction of the journal, and for the work published therein.

You must restore Leningrad's great traditions of literature and Leningrad's ideological front. We are bitterly disappointed that Leningrad's journals, which had always been the cradle of progressive ideas and progressive culture, have become the refuge of superficiality and of the trivially commonplace. The honor of Leningrad as an ideological and cultural center must be restored. It must be remembered that Leningrad was the cradle of Lenin's Bolshevik organizations. Here Lenin and Stalin laid the foundations of the Bolshevik party, the foundation of the Bolshevik world outlook and Bolshevik culture.

It is the honorable task of Leningrad writers and Leningrad Party activists to restore and further develop these great Leningrad traditions. The task of the workers on the ideological front in Leningrad, and in the first place of the writers, is to get rid of everything superficial, trivial and commonplace in the literature of Leningrad, and to raise high the banner of progressive Soviet literature. Not to miss a single opportunity for its ideological and artistic growth, not to lag behind in discussion of contemporary problems, not to lag behind the demands of the people, but in every way to develop a bold criticism of its failings, not a subservient criticism, not a collective or friendly one, but really bold, independent, ideological Bolshevik criticism.

Comrades, by now it must be clear to you what a grave error the Leningrad City Committee of the Party made, and especially its department of Agitation and Propaganda, and its propaganda secretary, Comrade Shirokov, who had been appointed as the head of ideological work and who is mainly responsible for the failure of the journals. The Leningrad Committee of the Party made a grave political mistake when, at the end of June, it decided on the new membership of the editorial board of the journal *Zvezda*, with Zoshchenko as a member. Such a mistaken decision can only be explained by political blindness on the part of the Secretary of the City Committee of the Party, Comrade Kapustin, and the Secretary of the Propaganda Department of the City Committee, Comrade Shirokov. I

repeat, such mistakes must be rectified as quickly as possible, so as to restore to Leningrad its leading role in the ideological life of our Party.

We all love Leningrad, we all love our Leningrad Party organization, as one of the most progressive in the Party. Leningrad should not be a refuge for all kinds of scoundrels and literary hangers-on who want to use Leningrad for their own ends. For Zoshchenko and Akhmatova and their ilk, Soviet Leningrad is not beloved. They want it to be the embodiment of another social and political order, another ideology. Old St. Petersburg—the Bronze Horseman as a symbol of old St. Petersburg—this is what rises before their eyes. But we love Soviet Leningrad as the progressive center of Soviet culture. The glorious cohorts of the great revolutionary and democratic public figures, all from Leningrad, these are the direct ancestors from whom we are descended. The glorious traditions of contemporary Leningrad are a continuation of the development of these great democratic revolutionary traditions, which we will not exchange for anything. Let the Leningrad activists boldly analyze their mistakes without looking back, glossing nothing over, so as to put things right faster and better, so as to forge ahead in our ideological work. Leningrad's Bolsheviks must take their place again in the ranks of the pioneers, and as spearheads in the work of forming Soviet ideology and Soviet social awareness. (*Tumultuous applause*)

How could it have happened that the Leningrad City Committee allowed such a situation to develop in the ideological front? Evidently it was carried away by the practicalities of the restoration of the city, by the development of its industry, and it forgot the importance of ideological educational work, and this forgetfulness has cost the Leningrad organization dear. Ideological work must never be forgotten! The spiritual richness of our people is no less important than its material well-being. One cannot live blindly without thinking of the future, whether in the material or the spiritual sphere. Our Soviet people have developed so much that they will not "swallow" any kind of spiritual trash that is shoved at them. Those who work in the fields of art and culture and will not reform will be unable to satisfy the people's growing demands, and may

soon lose the confidence of the people.

Comrades, our Soviet literature lives and must go on living, sharing the interests of the people and the interests of the motherland. The literature of a people is something close to its heart. This is why every success that you achieve, every outstanding work that you produce, is felt by the people to be their victory. This is why every successful work can be compared to a victorious battle or to a great achievement on the economic front. And conversely, every failure in Soviet literature is taken as a personal insult and bitterly felt by the people, the Party and the State. The Decree of the Central Committee has just this in mind, in the care it takes of the interests of the people and of the interests of its literature, and it is greatly worried by the state of affairs among Leningrad writers.

If people lacking in ideology intend to deprive the Leningrad branch of Soviet literary workers of its base, intend to undermine the ideological side of their work, to deprive the Leningrad writers' creative work of its social and educational value, the Central Committee hopes that Leningrad's literary figures will find enough strength to set a limit on all attempts to lead the Leningrad branch and its journals into those channels which lack ideas, principles, and political ideals. You are placed in the front line of the ideological struggle, you have immense tasks of international importance, and this should make every genuine Soviet writer feel his responsibilities before the people, the State and the Party, and conscious of the importance of the fulfillment of his duty.

The bourgeois world does not like either our successes inside the country or those on the international scene. As a result of the Great Patriotic War the position of socialism has been strengthened. The question of socialism is on the agenda of many European states. Imperialists of whatever kind do not like this; they are afraid of socialism, they are afraid of our socialist country, which is an example to all progressive humanity. The imperialists, their ideological servants, their literary figures and journalists, their politicians and diplomats try to slander our country, to present it in an unfavorable light, to slander socialism. In these circumstances the task of Soviet literature is not only to return blow for blow when it comes

to these rotten slanders and attacks on our Soviet culture and on socialism, but also boldly to attack and castigate bourgeois culture, which is in a state of disintegration and corruption.

In whatever outwardly beautiful form the work of the fashionable contemporary bourgeois Western European and American writers as well as stage and film producers is presented, they will nevertheless be unable to save or improve their bourgeois culture, because its moral base is rotten and decaying, because it is subservient to private capitalist society, subservient to the self-centered mercenary interests of the upperclass bourgeois society. The whole crowd of bourgeois literary figures and film and theater producers is trying to divert the attention of the progressive strata of society from the critical questions of political and social struggle and direct that attention into those channels of literature and art which are without ideas and which are filled with gangsters, chorus girls, the extolling of adultery and the exploits of all kinds of adventurers and scoundrels.

Does it befit us, Soviet patriots, the representatives of progressive Soviet culture, to play the part of worshipers of bourgeois culture, the part of pupils? Of course our literature, which reflects a political system higher than any bourgeois democratic system, a culture on a much higher level than any bourgeois culture, has the right to teach others a new morality common to all humanity. Where could you find such a country and such a people as ours? Where could you find such wonderful human qualities as our Soviet people have displayed during the Great Patriotic War and which they display every day in the peaceful work of restoring and developing our economy and culture! Every day raises our people higher and higher. Today we are not the same as we were yesterday, and tomorrow we shall not be what we are today. We are not the Russians now that we were before 1917, and our Russia too is different and our characters are different also. We have changed; we have grown along with the enormous transformations which have drastically changed the face of our country.

It is the task of every conscientious Soviet writer to show these new and higher qualities of the Soviet people, to show our people not only as they are today, but as they will be tomorrow, to

help to spotlight the way ahead. A writer cannot tag along at the tail of events; it is his duty to march in the foremost ranks of the people, pointing them onto the road of their development. Guided by the method of socialist realism, conscientiously and attentively studying reality, trying to penetrate to the essence of the process of our development, the writer must educate the people and arm them ideologically. Choosing the best feelings and qualities of the Soviet citizen, showing him his tomorrow, we must at the same time show our people what they should not be, we must castigate the leftovers of yesterday, the leftovers who prevent the Soviet people from moving forward. Soviet writers must help the people, the State and the Party to bring up our youth to be alert, to have faith in themselves, and not to be afraid of any difficulties.

However much bourgeois politicians and literary figures try to hide the truth about the achievements of the Soviet system and Soviet culture from their people, however much they try to erect an iron curtain through which the truth about the Soviet Union would be unable to reach abroad, however much they try to belittle the real growth and sweep of Soviet culture—all such attempts are doomed to failure. We know the strength and advantages of our culture perfectly well. It is enough to remind you of the shattering success of our cultural delegations and our parades of physical culture abroad and so on. It is not for us to worship everything foreign or to take up a passive, defensive attitude!

If the feudal system, and later that of the bourgeoisie in its heyday, was able to create a literature and art which proclaimed a new system and praised its blossoming, then with our new socialist system, which embodies the best in the history of human civilization and culture, we would be able to create the most progressive literature in the whole world, leaving even the best examples of creative work of the old times far behind.

Comrades, what does the Central Committee wish and demand? The Central Committee of the Party wants the Leningrad Executive and the Leningrad writers to understand clearly that the time has come when it is imperative to raise our ideological work to a high level. The young Soviet generation has to consolidate the

strength and power of the Soviet social system, to use to the full the progressive aspects of Soviet society for a new and unprecedented blossoming of our prosperity and culture. Toward these lofty aims, the young generation should be brought up to be steadfast, alert, fearless of any obstacles, and able to go forward to meet such obstacles, knowing how to overcome them. Our people must be educated people with high ideals and high moral demands and tastes. To achieve this we must have a literature and journals which do not stand aside from all the problems that face our society, and which can help the Party and the people to bring up our youth in a spirit of selfless dedication to the Soviet state, in a spirit of selfless devotion to the people's interests.

Soviet writers and all our ideological works are in the forefront of the battle now, because as peacetime conditions develop, problems on the ideological front do not disappear, but on the contrary are becoming more acute, especially those concerning literature. The people, the Party and the State do not want literature to be estranged from the people, but rather that literature should actively enter into spheres of Soviet life. The Bolsheviks appreciate literature highly, clearly seeing its great historic mission and role in the strengthening of the moral and political unity of the people, in the solidarity and education of the people. The Central Committee of the Party wants to have a wealth of spiritual culture, because it sees one of the important tasks of socialism as the development of this richness of culture.

The Central Committee of the Party is certain that the Leningrad branch of Soviet literature, if it is morally and politically healthy, will quickly correct its mistakes and will assume a fitting place in the ranks of Soviet literature.

The Central Committee is certain that the failings evident in the work of the Leningrad writers will be overcome, and that in the shortest possible time the level of the ideological work of the Leningrad Party organization will be raised to the heights required in the interests of the Party, the people, and the State. (*Tumultuous applause. Everyone rises.*)

Pravda, No. 225 (10307), September 21, 1946

Andrei Zhdanov was the most powerful and repressive of Stalin's cultural commissars. He played a major role, with Radek, in forming and enforcing the doctrine of Socialist Realism, starting at the first Congress of the Union of Soviet Writers in 1934. However, he is remembered in the history of Russian letters primarily for the violent attack launched in August 1946 in the speech which is translated here for the first time in its entirety.

Zhdanov's infamous attack on Anna Akhmatova, Zoshchenko, and much of the best in 20th-century Russian culture is known to students and scholars mainly from a few often-quoted remarks. This bilingual edition presents the full text of the Central Committee Resolution on the journals involved, and the 30-page stenographic record of Zhdanov's speech, complete with audience reactions (which now seem comic as well as servile) to such things as his damnation of the Serapion Brothers, his comments on Mandelstam and the Acmeists, Merezhkovsky and the Symbolist poets such as Bely and Sologub, his list of sins committed by the two journals, etc. Zhdanov's insistence on the special vigilance of Leningrad officials was repeatedly proved subsequently, in trials of writers in Leningrad in the sixties and seventies.

As a result of this resolution and speech, Akhmatova and Zoshchenko were made outcasts, the journal *Leningrad* was shut down, the editors of *Zvezda* sacked, along with the Chairman of the Union of Writers.

The speech is a classic monument of bureaucratic oppression, critical obtuseness, and simpleminded, repetitious rhetoric.

\$3.00